

Изъяснение Божественной Литургии праведный Николай Кавáсила

1. Приготовление к Литургии

В священнодействии Святых Тайн (честные) дары предлагаются в Божественное Тело и Кровь; цель его – освящение верных, которые получают чрез (приобщение) святых даров оставление грехов, наследие Царства Небесного и тому подобное. Пособием и приготовлением как по отношению к самому делу (преложения святых даров), так и в отношении к достижению цели (священнодействия) служат молитвы, псалмопения, чтения из священных книг, одним словом, все, что священно совершается и возглашается и пред освящением, и по освящении даров. Ибо, хотя Бог подает нам всякую святыню даром, и мы ничего не можем принести Ему, и (Его дары) суть в строжайшем смысле дары, однако ж Он настоятельно требует от нас, чтобы мы были способны и принять святыню, и сохранить; людям, не приготовленным к сему, Он и не подал бы освящения. Под таким условием подает Он (благодать) Крещения и Миропомазания; под этим условием допускает Он и к своей вечери и преподает страшную пищу, как это Он выразил в притче о семени, когда говорил: "изыде сеятель – не обрабатывать землю, но – сеяти" (Мф.13:3; Мк.4:2) так, что обработка и все вообще приготовление должно уже сему предшествовать.

Итак, поелику столь необходимо, чтобы мы приступали к принятию Тайн с таким добрым настроением и приготовлением, то должно было привзойти в состав священнодействия и оно (надлежащее приготовление), как и есть. Эту именно силу в отношении к нам имеют молитвы, псалмы, как и всё, что литургии священно совершается и возглашается. Ибо они освящают нас и благоустраивают то к надлежащему приятию святыни, то к сохранению и к дальнейшему соблюдению её в себе. Освящают они нас двояким способом. Первый способ тот, что мы получаем пользу от самих молитв, псалмов и чтений. Молитвы обращают нас к Богу, испрашивают нам отпущение грехов, подобно как и псалмопения умилоствляют к нам Бога и привлекают к нам помощь свыше. Ибо "пожри, – сказано, – Богу жертву хвалы, и... избавлю тя, и прославиши мя» (Пс.49:14–15). А чтение Священного Писания возвещает благость и человеколюбие Божие, а вместе с тем правду и суд, внедряет в наши души страх Божий и воспламеняет любовь к Богу и таким образом вселяет в нас решительную готовность к исполнению Его заповедей. И все это как в священнике, так и в народе делает душу лучше, боголюбивее, делает способным как его, так и народ к принятию и соблюдению честных даров, что составляет цель священнодействия. В частности, священника это приготовляет к тому,

чтобы он достойно мог приступить к совершению жертвоприношения, что составляет, как сказано выше, предмет таинственного священнодействия. Это-то и содержится в молитвах – во многих местах; священник молится о том, чтобы не явиться ему недостойным предстоящего (священнодействия), но чтобы чистыми руками, душою и языком он мог послужить таинству, и таким образом уже и самые слова, которые читаются и поются, сами по себе помогают нам при совершении (таинства). А с другой стороны, и чрез это, а вместе и чрез все, что совершается в священнодействии, мы получаем освящение и другим способом – тем, что во всем этом мы созерцаем здесь образ Христа, Его дела в отношении к нам и Его страдания. Ибо и в псалмах, и в чтениях, и во всем том, что совершается священнослужителем во все продолжение священнодействия, изображается домостроительство Спасителя, так что то, что составляет первое в этом домостроительстве, объясняется в первых действиях этого священнослужения, второе – во вторых, следующее затем – в последних священнодействиях; так что у тех, кто смотрит на это, все те (обстоятельства) находятся как бы пред глазами. Так, например, освящение даров или самая жертва возвещает Его смерть. Воскресение и Вознесение, потому что эти честные дары претворяются в самое Тело Господне – то самое, Которое все это приняло на себя. Которое было распято, воскресло и вознеслось на небо. А что предшествует этой жертве, изображает то, что было до смерти (Спасителя), – Его пришествие, Его явление, Его окончательное вступление (в дело служения спасению рода человеческого); а что следует после жертвоприношения – обетование Отца, о котором Сам Он сказал, сошествие на апостолов Святого Духа, обращение чрез них к Богу и введение язычников в общение с Богом. Вообще всё священнодействие есть как бы один образ единого Тела Царства Спасителя – образ, представляющий все его части от начала до конца во взаимном порядке и согласии. Таким образом псалмы, которые поются в самом начале, всё что предшествует им, что совершается и говорится в предложении даров, – все это означает первоначальное время Христова домостроительства. А что следует за псалмами – чтение Священного Писания и прочее – изображает дальнейшее. Хотя выше показана другая польза от чтений и псалмопений, ибо они введены, очевидно, для того, чтобы побуждать нас к добродетели и умиловать Бога, однако ж ничто не мешает им иметь и такое назначение; одно и то же, конечно, может и вести верных к добродетели, и изображать домостроительство Христово. Ибо как одежда выполняет, с одной стороны, простое назначение платья – прикрывать собою тело, а, с другой

стороны, смотря по тому, какая она бывает, означает собою и ремесло, и образ жизни, и достоинство того, кто ее носит, так точно и здесь. Что Священное Писание заключает в себе и богодухновенные изречения, и песни во славу Божию и побуждает к добродетели, чрез это оно освящает тех, кто читает его и поет; а что избраны именно такие чтения и расположены именно в таком порядке, поэтому оно имеет и другое значение, изображая нам довольно ясно пребывание Христова (на земле) и Его Царство. И притом такой смысл имеет не только то, что поется или читается, но и что совершается. Каждая вещь совершается здесь по настоятельной надобности: она означает или что-нибудь из дел Христовых, из Его деяний или страданий. Таков, например, вход во святилище с Евангелием или вход с честными дарами; то и другое делается по надобности: первое – для того, чтобы Евангелие потом читалось, последнее – для совершения жертвоприношения, а то и другое означают явление и открытое вступление Христа (в дело служения спасению рода человеческого); одно – явление неясное, неполное, когда Он только что начал Себя открывать, другое – явление совершеннейшее, последнее. В числе того, что здесь совершается, конечно, есть нечто и такое, что делается вовсе не для удовлетворения какой-нибудь нужды, но совершается только для выражения известной мысли, например, прободение хлеба и изображение на нем креста, или то, что нож для прободения бывает устроено в виде копья, или, наконец, прилитие к святым дарам теплой воды. Много такого можно встретить и в других таинствах, например, в Крещении: имеющие креститься должны снять с себя обувь и одежду и, обратясь к западу, протянуть руки и дунуть; там чрез это внушается, какова должна быть в нас ненависть к злему духу и до какой степени должно простирается отвращение к нему в том, кто хочет быть истинным христианином; другое что-нибудь в этом же роде при совершении таинств имеет другое какое-нибудь значение. А что совершается при священнодействии святых даров, все имеет прямое отношение к домостроительству Спасителя, и это с той целью, чтобы созерцание этого домостроительства, находящегося как бы у нас пред глазами, освящало наши души и таким образом мы делались способными к принятию Святых Тайн. Как тогда это домостроительство воскресило вселенную, так точно и теперь, если постоянно будем созерцать его, оно делает душу созерцающего лучше и боголюбивее. А если говорить точнее, то и тогда оно несколько не принесло бы пользы, если бы его не созерцали, если бы в него не веровали.

Потому-то о нем и было проповедано, и потому-то Бог и употребил

бесчисленные средства для того, чтобы в него уверовали, ибо иначе оно не могло бы произвести и своего действия – спасти людей, если бы существование его было сокрыто от тех, кто имел спастись. Но тогда об этом (домостроительстве) только еще проповедовали, и оно возбуждало почитание ко Христу, веру и любовь к Нему в душах людей неведущих, – возбуждало, значит, чувства, которых не было, а теперь, когда оно с благочестивым усердием созерцается людьми, уже уверовавшими, оно не возбуждает в них этих благочестивых чувств потому, что они уже есть в них, а только сохраняет, обновляет, усиливает; оно придает им большую твердость в вере, большую горячность в благочестии и любви. Если уж оно в состоянии было дать бытие тому, чего не было, то еще легче, конечно, может это соблюсти, сохранить и обновить. Между тем благочестие, вера, любовь к Богу, полная горячности – это все такие чувства, которые непременно мы должны иметь, приступая к Святым (Тайнам), без которых даже и смотреть на них крайне нечестиво. Поэтому чин священнодействия, естественно, должен служить выражением того созерцания, которое бы могло возбудить в нас такие чувства, чтобы мы не умом только размышляли, но некоторым образом видели глубокую нищету Богатого, странническую жизнь Того, Кто объемлет всякое место, перенесение оскорблений Благословенным, страдания Бесстрастного видели, до какой степени Его ненавидели, и однако ж как Он сам любил, Кто Он был и как уничижил Себя, что претерпел, что сделал и какую после того уготовал нам трапезу, и, таким образом, пораженные удивлением при виде неожиданного спасения, изумленные множеством Его щедрот, мы почтили бы Того, Кто оказал нам такую милость, Кто даровал нам такое спасение, вверили Ему свои души, предали Ему свою жизнь и воспламенили сердце огнем любви к Нему; потом, достигнув такого состояния, безбоязненно, как свои, приступали к пламени Святых Тайн. Ибо, чтобы достигнуть нам такого состояния, для этого недостаточно того, чтобы в известное время изучить все, касающееся Христа, и знать это; нет, для этого необходимо, чтобы око нашего ума было постоянно обращено к этим предметам, чтобы мы созерцали их, употребив все усилия к тому, чтобы удалить все другие помыслы, так как мы должны при этом иметь в виду сделать свою душу, как я сказал уже, способной к освящению. Ибо, если мы будем иметь только понятие о благочестии так, что когда нас спросят о нем, мы могли бы отвечать здраво, а когда нужно приступать к таинствам, не будем созерцать всего как следует, а, напротив, внимание наше будет обращено на другие предметы, то от этого знания нам не будет никакой пользы потому, что

при этом в нас не может пробудиться ни одно из тех чувств, о которых было сказано, – мы будем иметь настроение, соответственное тем мыслям, которые будут занимать нас в это время, в нас будут преобладать такие чувства, какие они в состоянии пробудить. Поэтому-то и присвоен священнодействию такой вид, при котором одно не только высказывается словами, но и представляется подробно взорам; другое выражается во всем священнодействии для того, чтобы посредством этого удобнее действовать на наши души, – чтобы в нас было возбуждено чувство, а не простое только созерцание, так как воображение при содействии глаз гораздо яснее представляет нам образы предметов; посредством другого не дать места забвению, не допустить мысли обращаться на другие предметы, пока дело не дойдет до самой трапезы, чтобы таким образом, будучи исполнены таких мыслей и имея сознание в полной силе, мы приобщились Святым Тайн, присовокупив к освящению освящение, к освящению в созерцании – освящение самым делом и преобразуясь от славы в славу, от меньшей в такую, которая больше всех. Вот смысл всего священнодействия, говоря вообще. Далее надобно будет, по возможности, рассмотреть его с самого начала по частям: сначала предварительные молитвы, священные слова, священные песни и чтения; потом – самое священнодействие, самую жертву; потом – освящение, которым при помощи этой жертвы освящаются души христиан, как живых, так и умерших; потом – следующие за тем песни и молитвы (возносимые от лица) народа и священника к Богу, что здесь будет иметь нужду в рассмотрении и объяснении; главнейшим же образом и постоянно (мы должны будем иметь в виду) домостроительство нашего Спасителя, изображаемое во всем священнодействии, (объясняя), такие предметы, относящиеся к этому домостроительству, означаются теми или другими действиями в священнослужении.

2. Почему честные дары не с самого начала полагаются на престоле

Прежде всего рассмотрим то, что совершается и говорится в предложении (святых даров), и самое принесение и предложение даров. Зачем не вдруг они приносятся для священной жертвы на престол, но сперва предлагаются Богу как дары? Это потому, что древние приносили Богу жертвы, состоявшие в закалании животных, – жертвы кровавые, но приносили также и дары, как, например, золотые или серебряные вещи. А Тело Христово представляет собою и то, и другое: оно было и жертвою – это под конец, когда предано было на заклание ради славы Отца; но сначала оно было предложено Богу, служило честным даром Ему и как бы было принято (Им), с одной стороны – как начаток нашего рода, с другой же – по закону: потому что Он был первородный. По этой-то причине и то, что приносится ныне и чем знаменуется это тело, не сейчас же возлагается как священная жертва на престол, – это бывает уже под конец, а сначала оно предлагается, оно служит и называется честными дарами Богу. Так поступил и Христос, когда, взяв хлеб и вино в руки, показал Богу и Отцу, принося их Ему как дары, когда предложил, представил (их Ему). Откуда это видно? Из того, что так поступает Церковь и называет это дарами. Ибо она не делала бы этого, если бы не знала, что так поступил и Христос; она слышала Его повеление: «сие творите», и если бы в этом (действии) не было сходства (с тем, как поступил Христос), тогда здесь не было бы с ее стороны подражания Ему.

3. О том, что дары предлагаются Богу как начатки человеческой жизни

Какой же вид даров? Древние приносили начатки от плодов, от стад, от скота или от других тварей. А мы, как начатки нашей жизни, посвящаем Богу эти дары, служащие человеку пищей, посредством которой поддерживается телесная жизнь; мало того, жизнь не только поддерживается пищей, – пища служит признаком жизни. Мы ели и пили вместе с Ним по Воскресении, говорили о Христе апостолы, желая показать, что они видели Его живым. И Господь, когда воскресил одного мертвого, велел дать ему есть, чтобы посредством пищи удостоверить всех в его жизни. Кто начинает употреблять пищу, о том без малейшей несообразности можно заключать, что он начинает жить. Но, может быть, кто-нибудь скажет, что почти всё, что приносили Богу и древние, также может служить пищей человеку? Это были плоды, над которыми трудятся земледельцы, и животные из числа употребляемых в пищу. Так что же? Все это служило начатками человеческой жизни? Нет. В числе этих предметов нет ни одного, который бы составлял пищу собственно человеческую: они служат пищей и для других животных: одни – для птиц и травоядных, другие – для плотоядных. Человеческой пищей мы называем то, что служит отличительной принадлежностью одного человека, а между тем потребность в приготовлении хлеба для пищи, в выделывании вина для питания свойственна только человеку. Под этим самым видом и приносятся святыя дары.

4. Почему нужно было, чтобы дары служили начатками человеческой жизни

Какая же причина, какое основание тому, что мы должны приносить эти дары Богу как начатки жизни? Это потому, что Бог за эти дары дает нам жизнь. А справедливость требует, чтобы дар не совершенно разнился от воздаяния, но чтобы имел с ним какое-нибудь сходство, и если последнее есть жизнь, то первый также должен быть жизнью, в каком бы то ни было смысле, особенно потому, что установитель дара и податель воздаяния есть один и тот же праведный Судия, всему полагающий вес и меру. Он заповедал приносить хлеб и вино; Он же и воздаст за это хлебом животным и чашею жизни вечной. Как апостолам за ловитву Он воздал ловитвою же: за ловитву рыб ловитвою людей, и богатому человеку, который предложил Ему вопрос о царстве, вместо земного богатства обещал богатство небесное, так точно и здесь, только наоборот: посредством чего Он имел дать нам жизнь вечную (я говорю о Животворящем Его Теле и Крови), то самое заповедал нам приносить под видом того, чем поддерживается временная жизнь, чтобы жизнь мы получали за жизнь, вечную жизнь – за временную, чтобы благодать имела вид воздаяния, чтобы безмерная милость заключала в себе и свою меру правды, – чтобы исполнилось изречение: Я положу Свое милосердие на весы. И так бывает не только в этом таинстве, но и в таинстве крещения: мы получаем жизнь в обмен на жизнь, одну отдаем, другую вместо неё принимаем. Но отдание жизни представляет, изображает собою смерть, а возвращение к жизни есть в собственном смысле жизнь. Так как Спаситель, вкусив смерть и воскреснув, благоволил и нас сделать причастниками новой Своей жизни, то Он повелел нам, чтобы и мы приносили Ему что-нибудь из этого великого дара. Что же именно? Подражание Его смерти. Каким образом? Сокрывая свое тело в воде, как бы в гробе, и сделав это три раза. После этого Он принимает нас уже как участников в Его смерти и погребении и удостоивает нас Своей новой жизни. И здесь точно так же.

5. Почему полагается не весь хлеб, но вырезается особая часть

Надобно сделать несколько замечаний и касательно того, почему священник делает даром, предлагает Богу и, возложив на престол, освящает не просто те самые хлебы, какие будут принесены, а тот хлеб, который он сам от них изъемлет. Это также особенность, принадлежащая приношению Христову. Другие дары их владельцы отделяли от однородных с ними предметов, приносили в храм и отдавали в руки священников, а священники принимали и предлагали их, или приносили в жертву, или поступали так, как следовало с той или другой из принесенных вещей. Но Тело Христово отделено от предметов одного с ним рода, принесено, принято, предложено Богу и, наконец, принесено в жертву самим же священником: потому что Сын Божий Сам избрал его для Себя, отделив его от нашего состава, Сам принес его в дар Богу, положив его в лоне Отца, так как Сам Он никогда не отлучался от сего лона, а пребывал там даже и после того, как создал это тело и облекся в него, так что оно уже было посвящено Богу с того самого времени, как только лишь получило образование, а, наконец, также Сам Он вознес его и на крест и принес в жертву. Потому-то и хлеб, который имеет быть преложен в Тело (Христово), сам священник отделяет от однородных с ним Хлебов, сам предлагает Богу, положив его на священное блюдо, а потом, перенеся его на престол, приносит в жертву.

6. Почему над хлебом священник изображает страдания Христовы

Вырезанный хлеб, пока он лежит на жертвеннике, есть простой хлеб. Он только лишь предложен Богу и соделался даром. Этим означает тот период времени, когда и Христос был даром; а Он был им, как сказано выше, с самого рождения, так как Он был даром и по самому рождению Своему, по закону, потому что Он был первородный. Но так как то, что совершилось над этим Телом в последующее время, – страдания ради нашего спасения, крест и смерть, – было прообразовано гораздо прежде, еще древними, по этой причине и здесь священник, прежде перенесения хлеба на престол и принесения его в жертву, предварительно старается представить на нем эти образы. Каким же образом? Когда, отделив его от цельного хлеба, делает из него дар, изображает на нем, как на доске, страдания и смерть Господню и, что ни делает, делает или по необходимости, или с намерением, соединяя (с своими действиями) именно это самое значение: эти действия составляют повествования самим делом о страданиях Христовых и о Его смерти. И это древний обычай: было время, когда и повествовали, и убеждали, и пророчествовали действиями. Например, пророк, желая показать пленение евреев, наложил на себя узы; наконец, и Агав поступил точно таким же образом, означая через это узы Павла; рассказывают также, что один из богоносных отцов, когда его спросили, что такое монах, не отвечал ни слова, а снял одежду, которая на нем была, и начал ее попирать ногами. И самую смерть Господню, и всё Его домостроительство древние и сами выражали, и от Бога узнавали не посредством только слов одних, но и при помощи действий; таково, например, было море, рассекаемое жезлом, купина, горящая в огне, Исаак, ведомый отцом на заклание, и другие (действия), посредством которых с самого начала знаменуема была тайна (искупления). И священник представляет собою лицо, которое действует точно таким же образом: что знает он об этой жертве, то он излагает и словами, то же показывает и посредством действий, насколько это возможно показать над таким веществом. Он как бы так говорит: вот как Господь шел на страдание, вот как Он умер, вот как у Него было прободено ребро, вот как из прободенного ребра излилась тогда эта кровь и вода, – и так поступает, во-первых, для того, чтобы, как я уже сказал, показать, что этой истине, этой действительности сначала предшествовали образы и известные писания, служба для людей предзнаменованиями,

подобно тому, как и сам он прежде перенесения хлеба на престол и принесения его в жертву изображает на нем обстоятельства жертвы (Христовой). А потом он еще выражает чрез это и ту мысль, что этот хлеб скоро имеет быть пресуществлен в тот истинный Хлеб, Который был распят, принесен в жертву. А сверх всего этого еще, так как нужно провозвещать смерть Господню, то, чтобы не оставить без внимания ни одного из способов провозвещать и повествовать – для чего нам нужно было бы иметь тысячу уст, – он повествует и словесно, и посредством действий.

7. В чем состоит воспоминание Господа

Сперва, взяв просфору, из которой должно изъять священный хлеб, говорит: «в воспоминание Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, по Его заповеди, ибо, сие творите, – говорит Он, – в Мое воспоминание» (Лк.22:19). И это говорит иерей не об этом только хлебе, но о всей службе, как бы начиная священнодействие с заключения, так как Господь уже по совершении всего таинства присовокупил эти слова: сие творите в Мое воспоминание. Но в чем же состоит это воспоминание? Каким образом мы воспоминаем при священнослужении Господа? Какие Его действия и какое состояние? Я хочу сказать: о чем размышляем, о чем повествуем мы при этом воспоминании? Может быть, о том, что Он воскрешал мертвых, возвращал зрение слепым, останавливал Своим словом ветры, напитал досыта немногими хлебами тысячи, – что показывало в нем Бога и Всемогущего? Нет. Напротив, воспоминаем то, что, по-видимому, служит признаком немощи, – крест, страдания, смерть, – вот на чем Он повелел нам останавливаться при воспоминании о Нем. Откуда же это видно? Так думал Павел, который знал это хорошо. Когда он пишет к Коринфянам о таинстве (Причащения), то, предав им, что сказал Господь: «сие творите в Мое воспоминание», присовокупил: «елижды бо аще ясте хлеб сей и чашу сию пиете, смерть Его возвещаете» (1Кор.11:24,26). И Сам Господь выражал эту же самую мысль, когда преподавал таинство, ибо сказал: «сие есть Тело Мое, ...сия есть Кровь Моя» (Мф.26:26,28; Мк.14:22,24); не чудеса приложил к ним, сказав: они воскрешали мертвых, очищали прокаженных. А что? Одно страдание и смерть: «еже за вы ломимое» (1Кор.11:24), «яже за вы изливаемая». Какое же основание тому, что Он напоминает не о чудесах, а о страданиях? То, что последние необходимее первых, судя по тому, что одни составляют причину нашего спасения и без них невозможно было бы для человека и воскресение, – я понимаю страдания, – а те служат только доказательством, ибо чудеса совершались для того, чтобы все веровали в Господа, что Он воистину Спаситель.

8. О том, что совершается над хлебом

Поелику таким-то образом должно быть совершаемо воспоминание Господа, то для этого священник, говоря: «в воспоминание Господа...» присовокупляет то, чем выражается мысль о Кресте и смерти. Ибо, изъемя хлеб, он приводит древнее пророчество о спасительной страсти: «яко овча на заклание ведеса» (и далее) (Ис.53:7), повествуя о сем сколько возможно и словом, и делом. Совершая раздробление хлеба, с одной стороны, по необходимости – чтобы изъять дары, он делает это также и для изображения того, о чем сказано выше, означая этим отшествие Господа из мира и возвращение Его ко Отцу путем смерти, как Сам Он сказал: «оставляю мир и иду ко Отцу» (Ин.16:28); поэтому священник многократно вонзает копьё, потом разрезает хлеб и на столько же частей разделяет и пророческое слово, приспособляя каждую часть слова к той или другой части (хлеба), чтобы показать, что дело здесь служит выражением слова, что, как этот хлеб, чтобы быть предложенным Богу и освященным, отделен от однородного с ним вещества, так и Господь исшел из среды людей, с которыми по человеколюбию имел одну и ту же природу, и яко овча на заколение ведеса, и таким образом взятся от земли живот Его. Потом, присовокупив, что следует в пророчестве далее, и положив хлеб на священном (блюде), он делает и говорит то, чем изображается самое жертвоприношение, – смерть Господа. Жрется, говорит он, агнец Божий, вземляй грех мира, – этими словами и действиями он выражает самый вид смерти, так как на хлебе он изображает крест и этим самым высказывает, каким образом совершено жертвоприношение, – что именно посредством креста. После того он прободает хлеб, и притом с той стороны, которая представляется правою, выражая прободением хлеба прободение ребра; по этой же причине и орудие для прободения называется копием и бывает устроено в виде копья для того, чтобы оно напоминало собой то копьё. Изображая таким образом это действиями, он в то же время передает самое событие и словами: и един от воин, говорит он, копием ребра Ему прободу. Подобным образом и то, что оттуда излилась кровь и вода, он повествует и словами и изображает действиями, вливая в священную чашу вино и воду (и это воспоминание Господа!) и присовокупляя слова: «и абие изыде кровь и вода» (Ин.19:34).

9. Для чего Господь повелел творить это в Его воспоминание

Но зачем Он дал нам такое повеление? Что имел Он в виду, когда потребовал от нас такого воспоминания? То, чтобы мы не оставались неблагодарными. Известно, что для благодетелей служит в некотором роде наградой со стороны благодетельствованных ими и то, когда последние помнят их: помнят те дела, которым оказано им благодеяние. Для этого воспоминания люди придумали разные средства: памятники, статуи, столбы, празднества, торжества, состязания. Цель всего этого одна: чтобы благодеяния людей не предавались забвению. Эта же цель и у Спасителя; но только другие, как бы так говорит Он, изыскивают другие пособия против забвения для того, чтобы помнить тех, кто оказал им благодеяние, а вы в Мое воспоминание сие творите. И как на столбах (воздвигнутых в память) доблестных мужей города изображают те победы, посредством которых они были спасены, приведены в лучшее положение, так точно и мы на этих дарах изображаем смерть Господа, посредством которой была одержана полная победа над лукавым. Только города при помощи изображений имеют у себя один лишь телесный образ от своих благодетелей, а мы при посредстве этого приношения имеем у себя не телесный образ, а Самого Подвигоположника – собственное Его Тело. И еще в Ветхом Завете заповедано было совершать в образах то самое, что теперь Он повелел нам совершать в действительности, самым делом: это самое и значила Пасха – заклание агнца и воспоминание об этом заклании и о крови, которою в Египте были спасены первенцы еврейские. Такой-то смысл имеет это воспоминание!

10. О том, что говорится при приношении даров после воспоминания (Господа); также о том, что это приношение есть вместе и благодарственное, и просительное

Между тем священник все еще совершает приношение: отделяя часть от каждого принесенного хлеба, он обращает ее в священный дар, но говорит и делает уже не то, что сначала, чем знаменовалась смерть Господня; то хотя бывает сказано и однажды, но относится ко всему священнодействию, ибо всё вообще приношение даров совершается в воспоминание Господа и в нем постоянно возвещается смерть Господня. Так что же говорится далее? Во славу Пресвятыя Божия Матери, в честь того или другого святого, в оставление грехов душ живых или умерших. Что же это значит? То, что побуждением, по которому приносятся дары, служит благодарность Богу и прошение. Ибо таков уже порядок вещей, что никакой дар не дается без цели: идет ли речь о том, чтобы благоугодить (дарами) Богу или чтобы почтить дарами кого-нибудь из людей, но всегда ради какого-нибудь блага или полученного, или еще ожидаемого. Мы приносим дары или в благодарность благодетелю за то, что получили, или ищем через них милости у того, кто может для нас что-нибудь сделать, чтобы получить то, чего еще не было. А эти дары представляются дарами, приносимыми по той и другой причине: и за то, что мы получили, и для того, чтобы получить; мы благодарим Бога и просим Его: благодарим за то, что для нас сделано, просим, чтобы получить блага, так что одни и те же дары суть и благодарственные, и умиловительные. Что же это за блага, которые нам уже даны и каких еще мы ищем? Те и другие совершенно одно и то же: оставление грехов и наследие Царствия. Вот чего мы должны прежде всего просить себе и по Его заповеди, что уже и получила Церковь, о чем она и просит. Как же теперь нужно понимать то, что Церковь получила эти блага, и как понимать то, что она их еще не получила и чтобы получить, молит об этом Бога? Получила она их, во-первых, в том смысле, что ей дано право на эти блага, ибо она прияла ту область, чтобы нам чадам Божиим быти, и это общий для всех христиан дар, преподанный нам чрез смерть Спасителя: в этом-то и заключается сила божественного Крещения, равно как и прочих таинств, посредством которых мы становимся присными Богу и делаемся наследниками Царства Небесного; но затем еще она наследовала и самое это Царство и

наследовала самым делом – в лице бесчисленных своих членов, которых она предпослала на небо, как на новое место жительства, которых блаженный Павел называет Церковью первородных, на небесах написанных. В этом смысле Церковь получила уже великие блага. Но она еще не получила этого Царства в лице тех своих чад, которые еще только текут на позорище, или, говоря проще, которые находятся еще в этой жизни и конец которых неизвестен, а также тех, которые отошли (от этой жизни) не с совершенно отрадными и несомненными надеждами. По этой причине она воспоминает смерть Господню воспоминает и святых, отшедших (от этой жизни); но воспоминает также и еще не достигших совершенства: за тех она благодарит, а за этих ходатайствует.

Таким образом, первая часть приношения, равно как и вторая, есть благодарственная, а следующая за тем – просительная: воспоминание Господа, во славу блаженной Его Матери, в честь святых; благодарим Тебя, говорит священник, что смертию Своею Ты отверз нам врата жизни, что избрал Себе из среды нас Матерь, что человек получил такую славу, что мы имеем ходатаев за себя одной с нами природы, что единокровным с нами Ты даровал такое дерзновение. Ибо слова: «во славу, в честь» значат: ради славы и чести, точно так же, как и слова: «во оставление грехов» суть то же, что и слова: ради оставления и имеют двойное значение: т. е. ради оставления грехов, уже полученного или еще ожидаемого. Между тем, кто не знает, что слава Блаженной Девы, предстательство и дерзновение святых принадлежат к числу благ, уже полученных? А приносить дары за блага полученные, очевидно, есть не что иное, как благодарность. После того, что сказано, ясны стали и эти слова: в воспоминание Господа – это значит как бы в воздаяние Ему за Его смерть, в благодарность Ему; эти слова при принесении даров и произносятся прежде всего потому, что смерть Господа была для нас виною всех благ. Наконец, после всего иерей совершает моление, испрашивая оставления грехов, упокоения душ и тому подобное. И это правило благоразумия, чтобы мы, обращаясь к Богу, не сейчас же высказывали Ему свои нужды и требовали того, в чем терпим недостаток, а лучше сначала приводили бы себе на память то, что уже получили и имеем, и возносили Богу за то благодарение и славословие, поставляя таким образом славу Божию выше, чем свои нужды.

11. Для чего дары покрываются и что при этом говорится

Но так как то, что было сказано и совершено над хлебом и чем знаменовалась смерть Господня, служило лишь изображением и подобием, а хлеб остается все еще хлебом, сделался только даром Богу и потому изображает собою Тело Господне в первое время Его жизни, потому что оно тоже сначала было даром, как сказано выше, по этой причине священник прилагает к хлебу и представляет на нем те чудеса, которые совершались над тем (Телом Господа) в то время, когда Он был новорожденным и еще лежал в яслях. Поставив над ним так называемую звездицу, он говорит: «и пришедши звезда... ста верху, идеже бе Отроча» (Мф.2:9); повторяет также слова, задолго до того времени изреченные о Нем пророками и приличные одному Богу, для того, чтобы люди из-за Его плоти и из-за внешности не составили о Нем понятий унижительных, не достойных Его Божества: «словом Господним небеса утвердишася» (Пс.32:6); «Господь воцарися, в лепоту облечеся» (Пс.92:1); "покрыла есть небеса добродетель Его и разума Его исполнь земля» (Авв.3:3). Говоря это, он покрывает дары, т. е. хлеб и чашу, честными покровами и кадит со всех сторон, ибо и сила воплощенного Бога в течении известного времени, до времени чудес и свидетельства с неба, была прикровенна; но кто был так мудр, что мог говорить о Нем: «Господь воцарися, в лепоту облечеся», и прилагать к Нему и все прочие изречения, приличные Богу, те узнавали Его, чтили как Бога, и различали тот покров, который на Нем был. Это-то самое и изображая, иерей говорит при покровении даров: «покрый нас кровом крилу Твоею», и кадит повсюду. После этих слов и действий священник молит Бога, чтобы в этом священнодействии все достигло Его по назначению; потом идет к престолу и, став пред священною трапезою, начинает самое священнодействие.

12. О начальном славословии

Первое место в ряду священных слов занимает начальное славословие: «Благословенно Царство Отца, и Сына и Святаго Духа». Молитва к Богу обыкновенно состоит в благодарении в славословии, в исповедании, в прощении. Но первое место между ними принадлежит славословию, в особенности потому, что таково правило людей благоразумных, приступающих к Господу, – прежде всего выставлять на вид не то, что касается их самих, а то, что как будто бы только и относится к Господу. А таково именно и есть славословие, ибо кто просит, тот водится желанием поправить свои обстоятельства; кто приносит исповедание, стараясь освободиться от зла, тот также выставляет себя на вид; и кто благодарит, очевидно, действует под влиянием удовольствия при виде своих благ; а кто приносит славословие, тот оставляет в стороне и себя, и все свое, и славословит Господа ради Самого Господа, ради Его силы и славы. Затем и самый порядок вещей, самая сообразность с существом дела требуют, чтобы на первом месте здесь было славословие. Как только мы приступаем к Богу, мы прежде всего познаем Его неприступную славу, силу и величие; следствием этого бывает удивление, изумление и тому подобное, – а это уже и есть славословие; если мы пойдем далее, узнаем Его благость и человеколюбие, – следствием того бывает благодарение; после того мы начинаем созерцать все величие благости Его, все богатство Его человеколюбия; первым и вполне достаточным доказательством этого величия, этого богатства для нас служит то, что мы сами так худы и что, несмотря на то Он не перестает нам благодетельствовать; это доказательство убеждает нас, как человеколюбив Бог, и убеждает лучше других, потому что оно ближе к нам, оно – в нас, оно у нас перед глазами; между тем, если мы будем припоминать свои дурные поступки пред Богом, это и будет то, что называется исповеданием. Прощение же занимает четвертое место; после таких размышлений, посредством которых мы познаем благость и человеколюбие Божие в отношении к нам, само собою следует, что мы должны смело быть уверены в том, в чем мы нуждаемся, то непременно получим, если будем просить. Если уже Он был так благ к людям худым, то каков будет для тех, кто переменяется (к лучшему), кто уже оправдан за то, что исповедал свои грехи, по слову пророка: «глаголи ты прежде беззакония твоя, да оправдишися» (Ис.43:26)?

Таким образом, славословие занимает первое место в ряду молитвы;

по этой причине прежде всякой молитвы, прежде всех священных слов священник славословит Бога. Но зачем он провозглашает троичность в Боге, а не единство Божие? Не говорит: благословен Бог или благословено Царство (Божие), но различает Лица: «благословено Царство Отца, и Сына, и Святаго Духа»? Потому, что чрез вочеловечение Господа люди в первый раз узнали, что в Боге три Лица; а между тем, что совершается здесь, то служит таинственным изображением этого самого вочеловечения Господня; поэтому и нужно, чтобы в самом начале этого священнодействия просияла, была провозглашена Троица. После славословия он предлагает прошение, говоря: «миром (в мире) Господу помолимся». Ибо мы, о чем помолимся, якоже подобает, не вемы; чтобы поэтому мы не пустословили, он дает нам касательно молитвы необходимые наставления и прежде всего научает, как нужно молиться, – что нужно молиться миром. Но почему он после славословия непосредственно велит воссылать прошение, между тем как еще не было ни исповедания, ни благодарения Богу? Потому, что в этом слове мир заключается уже мысль о тех (видах молитвы), если только кто захочет настоящим образом об этом поразмыслить, ибо кто недоволен встречающимися с ним в жизни обстоятельствами, тот не может иметь и мира в самом себе; его имеет только человек благоразумный, который за все благодарит, по правилу блаженного Павла; не может иметь и тот, у кого нечиста совесть, а чистая совесть без исповеди – дело невозможное. Таким образом, кто молится с миром, у того в душе уже было и благодарение, и исповедание. А притом и прошение, которое они приносят Богу, представляет их и благодарящими, и исповедающимися. О чем они просят? О помиловании. А это просьба осужденных: когда у этих последних нет более никаких средств к защите, когда им нечего уже бывает говорить в свое оправдание, они обращаются к судье с этим последним словом в надежде получить просимое если уже не по праву, то по его человеколюбию. А кто поступает так, тот этим самым свидетельствует, с одной стороны, об особенном добродушии Судии, с другой – о своих дурных качествах: здесь одно есть свойство исповеди, а другое – свойство благодарения. К молитве же побуждает народ священник как лицо на то поставленное. Для этого-то, собственно, он и поставлен во главе народа как ходатай за него и посредник, чтобы его молитва была действительна и имела больше силы, как сказал и апостол Иаков: «много бо может молитва праведного» ([Иак.5:16](#)), когда и все те, за кого воссылается молитва, прилагают к тому все, что только нужно с их стороны: благие нравы, молитву, покорность и другие добрые качества, о

которых знают, что они приятны Богу. Какое же первое, непосредственно следующее за тем прошение?

«О свышнем мире и спасении душ наших». Дав наставление сначала о том, какое расположение духа надобно иметь во время молитвы, теперь он научает и тому, чего прежде всего надобно просить, а именно: сперва Царствия Божия и правды его, так как спасение душ означает Царствие, а свышний мир – правду Божию. Об этом мире сказал апостол Павел: «мир Божий превосходяй всяк ум» (Флп.4:7). Его оставил Господь апостолам, отходя ко Отцу, когда сказал: «мир оставляю вам, мир Мой даю вам» (Иоан. 14, 27). Как там слово правда означает не одно только раздаяние всего поровну, а выражает собой добродетель в каком бы то ни было роде, так и здесь слово мир означает нечто общее, потому что Он есть плод всех добрых качеств в совокупности, плод всякого вообще любомудрия, ибо невозможно стяжать совершенный мир тому, у кого недостает хотя одной какой-нибудь добродетели; напротив, необходимо пройти по всем степеням добродетели тому, кто хочет наслаждаться миром. Таким образом, нужно сначала приучать себя к тому, чтобы иметь мир с людьми, какой только возможен для нас, а потом просить у Бога Его мира. Такой порядок существует и в отношении ко всякой добродетели: есть целомудрие, которое достигается посредством подвига, и есть целомудрие, которое дается душе от Бога; и любовь, и молитва, и мудрость, точно так и в отношении ко всему прочему. Потому и священник сначала говорит нам о том мире, который в нашей власти, который достигается нами самими, и с таким миром повелевает нам возносить свои прошения к Богу; а затем – о том мире, который дается от Бога, и о нем он заставляет нас молить Бога, когда говорит: «о свышнем мире помолимся». Он говорит здесь не о мире только в отношении друг к другу, когда мы бываем не злопамятны друг к другу, но и о мире с самими собою, когда сердце наше не зазрит нам. А от такого мира великая польза; можно сказать даже – он необходим нам на каждом шагу и потому, что для души, волнуемой смятением, совершенно невозможно достигнуть единения с Богом по самому свойству смятения: как мир производит то, что многие представляют собой одно лицо, так смятение одно лицо разделяет на многих. Каким же образом такое лицо может быть в согласии с Богом, Существом единым и простым? Да и потому еще, что, кто молится без мира, тот не может ни хорошо помолиться, ни получить что-нибудь хорошее от своей молитвы. Волнует ли человека гнев, и злопамятство изгнало мир из его души, он не обретет чрез свою молитву и прощения грехов, а тем больше не получит какой-нибудь другой милости; или вследствие каких-нибудь других грехов

человек мучится совестью и в сердце своем носит упреки и его волнует такое смущение, и в таком случае он потерял всякое дерзновение пред Богом, по известному изречению; и, когда молится, молится без дерзновения, т. е. без веры; а кто молится без веры, тот молится напрасно, без всякой пользы. Поэтому-то нам и повелевается, чтобы мы и молились Богу с миром, и прежде всего просили себе мира свыше, а после этого воссылали бы с добрым намерением прошения к Богу и о других предметах: не только о Церкви и государстве, о начальствующих в той и другом, о тех, кто находится в опасностях, в напастях и в несчастиях, но, одним словом, обо всех людях, о целой вселенной, ибо о мире, – говорит далее, – всего мира. И это в особенности потому, что своего Господа мы почитаем общим Господом всех их и верим, что Он обо всех их заботится, как Творец о Своих творениях, что, кто печется о них, тот угождает Ему даже лучше того, кто приносит Ему жертву; а, с другой стороны, по словам блаженного Павла, да и мы в мире их тихое и безмолвное житие проживем во всяком благочестии и чистоте; и молимся мы не об одних только благах, относящихся к душе, но и о благах телесных, для нас необходимых, – о благорастворении воздушных и изобилии плодов земных, чтобы виновником и подателем всех этих благ мы почитали Бога и к Нему одному обращали свои взоры, ибо Сам Христос повелел нам просить у Него, между прочим, и насущного хлеба.

13. Что значит постоянное моление о милости

Исследуем и то, почему в то время как иерей призывает к молитве о многих и разнообразных (вещах), предстоящие верные молят об одном только помиловании и при каждом случае обращаются к Богу с этим одним и единственным прошением. Во-первых, это потому, что, как сказано выше, эта молитва прошения включает в себе и благодарение, и исповедание. Притом просить у Бога милости – значит искать Его Царствия, которое Христос обетовал даровать ищущим, и не только его, но и при нем все прочее, в чем мы имеем нужду; поэтому-то и достаточно одной этой мольбы, как имеющей силу (исходатайствовать) все вместе. Откуда же, спросят, видно, что милость Божия означает Его Царство? Из того, что Христос, говоря о награде, уготованной милостивым, о том воздаянии, какое они получают от Его благости, в одном месте говорит, что они помилованы будут, а в другом – что получают Царствие, так что выходит одно и то же, что получить от Него милость, что приять наследие Царствия.

"Блажени, – говорит Он, – милостивьи, яко тии помиловани будут» (Мф.5:7)); а в другом месте, как бы изъясняя Сам Себя и показывая, что значит быть помилованным, говорит: «речет Царь сущим одесную Его, – разумеются милостивые: приидите, благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие от сложения мира» (Мф.25:34). С другой стороны, если кто по действиям, совершаемым людьми милостивыми, захочет заключать и о делах милосердия Божия, тот найдет, что оно состоит не в ином чем, как в даровании Царствия. Что же такое делают милостивые?

"Взалкахся, – говорит Он, – и дасте ми ясти, возжадахся, и напоисте мя» (Мф.25:35). Так значит и Христос, кого помилует, тому предложит Свою трапезу. Что же это за трапеза?

"Да ясте, – говорит Он, – и пиете на трапезе Моей во Царствии Моем» (Лк.22:30). И дабы знал ты, как светоносна будет – эта трапеза, что это не трапеза рабов, а трапеза царей, обрати внимание на то, кто будет тут служить: Сам Он, Владыка всех. Он препояшется, говорит Писание, и посадит их, и, пришед, послужит им. Но Он еще и оденет человека помилованного, если он наг. То есть даст ему царскую одежду? Да, оденет его Своим собственным одеянием; а у Него, истинного Царя, нет ничего рабского, точно так, как у нас, рабов Его, нет ничего царственного своего. Это-то и есть брачное одеяние, облеченные которым непременно должны

быть в Царствии, потому что Царю не за что будет с укоризною изгнать их из чертога. Еще что? Он откроет для них Свое жилище, введет туда и упокоит их, ибо «странен бых, – говорит Он, – и введосте мя» (Мф.25:35). Но кто удостоится такой милости, тот уже не раб, а сын, ибо раб, говорит Писание, не пребывает в доме во век; сыны же суть наследники не только Царствия, но и Самого обладающего Царствием, ибо наследники, говорит Писание, Богу – сонаследники же Христу. Таким образом, просить у Христа милости – значит просить у Него улучшить Царствие.

14. О предании (себя Богу)

После молитв обо всем (священник) воззывает нас предать самих себя Богу следующими словами: «Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию со всеми святыми помянувшие, сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Не у всех преданность Богу составляет истинную добродетель: для этого недостаточно только сказать (что предаешь себя всего), а нужно еще иметь и Божие соизволение; для этого непременно требуется дерзновение, а дерзновение происходит от чистой совести, когда сердце наше не зазрит нам, когда мы печемся о том, что к Нему относится, и при этом попечении презираем то, что собственно нас касается. Тогда-то мы и освобождаемся истинно от заботы о себе самих и вполне возлагаем промышление о нас на Бога с твердой уверенностью, что Он примет вверенное Ему нами и сохранит. поелику для этого требуется столько любомудрия и усилий, то мы или призываем сначала на помощь Всесвятую Матерь Божию и весь сонм святых, а потом уже и предаем себя Богу, так как слово помянувшие значит: призвавши, или сперва испрашиваем себе соединения веры и причастия Святаго Духа, а потом сами себя и друг друга и весь живот наш предаем Богу. Что же это такое единение веры?

«Муж двоедушен, не устроен во всех путех своих» (Иак.1:8), говорит Писание, называя двоедушным человека нерешительного, который ни на чем твердо не останавливается, кто склоняется на обе стороны и ни в ту, ни в другую не направляется с решимостью.

Единением же веры означает противоположное тому – твердость, решительность, постоянство, потому что, кто твердо верит, тот знает о предмете что-нибудь одно: или – что он есть, или что его нет; между тем как переменчивый склоняется то на то, то на другое, как показывает и самое название. Так вот что значит единение веры: это непоколебимость, чуждая всякого двоедушия. А причастие Святаго Духа означает благодать Его; она называется причастием потому, что после того, как Христос разрушил Крестом Своим средостение ограды между Богом и нами, подобало еще соединить и привести в общение тех, которые были удалены друг от друга, и не имели ничего общего между собою, сблизиться и иметь общение; а это-то и совершено сошествием Святаго Духа на апостолов. Отсюда и святое Крещение, и открылся обильный источник всех даров Божественной благодати, и соделались мы, по слову блаженного Петра,

причастниками Божественного естества. Итак, тому, кто хочет предать себя Богу как должно, нужна твердая вера и помощь от Святаго Духа. И мы предаем Богу не каждый только себя самого, но и друг друга, так как, по закону любви, должно искать не своих только, но и того, что нужно для других.

15. Об антифонах и произносимых в продолжение их молитвах

В то время, когда диакон возглашает прошения и благочестивый народ молится, священник внутри алтаря совершает молитву тихо, про себя, о предстоящих и о святом доме, чтобы излились на них от Бога богатая милость и благодать, и присоединяет причину, по которой и сам просит об этом, и Бог может подать сие по правде своей – не потому, то есть, что молящиеся достойны того и что мы в праве принять это, а потому, что Ему подобает всякая слава, честь и поклонение. Ради Твоей славы, говорит, молю Тебя о сем, ибо являть такое человеколюбие к нам, недостойным, – Твоя слава. Сия слава подобает Тебе по оному слову, блаженного Давида: не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу. Посему, совершив молитву, он причину сию, как заключение славословия, произносит вслух всех, чтобы славословие сие достигло каждого из участвующих в хвалебном пении и чтобы вся Церковь восхваляла Бога. И на самом деле слушающие становятся общниками его в хвалении, ибо, когда священник произносит славословие, все верные приговаривают: аминь, и, провозглашая это слово, усвоят себе все слова иерея. Потом священник начинает священное псалмопение, а предстоящие выполняют его до конца, воспевая богодухновенные изречения святых пророков.

«Благо есть исповедатися Господеви и пети имени твоему, Вышний» (Пс.91:2). Вот именно слово, приличествующее началу, так как говорит о самом пении, что оно благо, а это, конечно, надобно знать прежде всякого пения; благо, говорит, исповедатися, то есть, благодарить, восхвалять. Когда это и все стихи по порядку будут пропеты, диакон воззывает верных к молитве, повелевая им, как и прежде, воссылать прошения. А между тем, как верные по окончании псалмопения молятся, священник произносит про себя молитву к Богу и вообще о целой Церкви, и в частности об украшающих святой дом Божий и старающихся явить его во всех отношениях светолепным, да и сами ради его прославлены будут, и при этом указывает благоприличнейшую причину: «яко Твоя держава и Твое есть Царство». Слава, говорит, есть и у царей, которые, когда захотят, могут окружить себя блеском; но Ты – Царь вечный, Твоя (есть) Держава и Твое есть Царство. Провозгласив эту причину, как славословие, во услышание всех верных и приняв от них (в ответном аминь) участие в хвалении Богу, как и прежде, он опять начинает псалмопение, а верные

опять довершают его и потом, как и прежде было сказано, по гласу диакона возносят Богу прошения. Священник же, снова совершая молитву о молящихся с ним верных, чтобы каждый из них получил на пользу себе от Бога то, чего просит собственно для себя, и, сверх сего, вечную жизнь за гробом, присоединяет в качестве причины благодать Его и человеколюбие и, это заключение произнеся вслух всех, начинает третье псалмопение, во время которого износится Евангелие в предшествии служебных чинов, светильников и фимиама и в сопровождении всех, предстоящих престолу. Оно бывает износимо диаконом, если же диакона нет – священником. Священник при входе в алтарь останавливается неподалеку от врат и, пока совершается псалмопение, молит Бога, чтобы вместе с его вхождением в алтарь вошли святые ангелы и, присоединившись к священнодействию, приняли участие в его славословии Богу, и присоединяет причину: потому что Ему подобает слава и поклонение от человеков и ангелов, ибо это именно значит «всякая слава, честь и поклонение» – от всех существ, умеющих славить Бога и поклоняться Ему. Молясь об этом, он входит в алтарь и Евангелие полагает на святой трапезе.

16. Знаменование священнодействия в общем очертании

Необходимо, впрочем, сначала по частям пройти слова псалмопений, сделав предварительно замечание, что таинство домостроительства Христова знаменуется и самою жертвою, знаменуется и теми действиями и словами, которые предшествуют жертве и последуют за нею. Ибо жертва возвещает смерть, Воскресение и вознесение Господа, так как честные дары предлагаются в самое воскресшее и вознесшееся на небо тело Его; предшествующее жертве указывает на события пред смертью: на пришествие, явление и вступление Спасителя в открытое служение спасению рода человеческого; а последующее за жертвою напоминает об обетовании Отца, как Сам Он называл, т. е. о сошествии Духа на апостолов, об обращении чрез них и введении народов в общение с Богом. И всё таинводство есть как бы одно некое тело истории, от начала до конца сохраняющее стройность и целостность, так что каждый отдел действий или слов сообщает целому особую сторону законченности. Псалмы, так как они поются в начале таинводства, означают прежнее время Христова домостроительства, а следующее за ними, то есть чтение священных Писаний и прочее, указывает на дальнейшее. Но хотя иная, сказано, причина псалмопений, то есть предпочищение для таинства и предуготовление, и иная – чтение Писаний, однако ж ничто не препятствует последним иметь силу первых, и одному и тому же как освящать верных, так и знаменовывать домостроительство. Так и платье, с одной стороны, и удовлетворяет потребности в одеянии, и прикрывает тело, а, с другой, оно означает и занятие, и жизнь, и достоинство лиц одевающихся. Так и в этом: поскольку воспеваемое и читаемое есть вообще Священное Писание и слово Богодухновенное, оно читающих и поющих освящает; а поскольку избрано такое и установлено так, оно имеет и другую силу, имея назначение знаменовывать пришествие и порядок дел Христовых. Ибо не только воспеваемое и читаемое, но и совершаемое сохраняет такое свойство, что, взятое само по себе, оно и удовлетворяет настоящей потребности, и вместе знаменует нечто из дел или подвигов и страстей Христовых. Так, внесение Евангелия в алтарь и вхождение честных даров – то и другое – бывает по нужде: первое, то есть чтобы прочитать Евангелие, а последнее, чтобы совершить жертву; но оба сии действия означают также откровение или явление Господа: одним указывается на явление только начинательное, или темное и

несовершенное, а другим на совершеннейшее и окончательное. Есть, однако же, между действиями совершающегося тайноводства и такие, которые не имеют в виду удовлетворить нужде, но исполняются только для знаменования, каковы – копие, водружение его в хлеб, начертание на хлебе знамения креста и напоследок влитие воды в святые дары. Много такого нашел бы ты и в других таинствах: так, например, в Крещении имеющие омыться должны снять с себя одежду и обувь и, обратившись к западу, протянуть руки и дунуть. Это и другое сему подобное не вносит в таинство ничего существенно необходимого для таинства, но приемлющему его внушает ненависть и вражду, которую необходимо иметь к лукавому, и научает, что желающий быть истинным христианином должен всячески отвращаться от диавола. Понимая это таким образом, рассмотрим по частям все священнодействие, так как оно носит образ Спасителя домостроительства, и прежде всего – псалмопение.

17. Изъяснение первого антифона

Первое увещание к славословию прилично начинающим; оно говорит: «благо есть исповедатися Господеви» (Пс.91:2). Это – песнь к Богу и Отцу, а вместе и песнь о Единородном. «Благо есть исповедатися Господеви и пети имени Твоему, Вышний». Она Вышним нарицает Отца, а Единородного – Господом. Благо есть воспевать Сына и Тебя, Отца. Что это значит? Это приступ к дальнейшему слову. Эта песнь имеет совершить общую Им хвалу. Каким образом? Возвестить дела Сына, чрез которые прославляется Отец. Ибо какой повод к хвалению? Истощение Сына и нищета, дела, совершенные во плоти, и страдания. Здесь-то милость и истина. Милость, поскольку нас, жалостнейшим образом пораженных врагом и противников Своих, по великой Своей благости и человеколюбию Он не презрел и не только явил сострадание к нашему бедствию, но и соделался причастником бедствий наших, нашей смерти; и не только восстановил нас от того губительного падения, но еще удостоил Царствия и величайших благ. Посему и Павел говорит: «егда же благодать и человеколюбие явися Спаса нашего Бога» (Тит. 3, 4), тогда-то открылось в первый раз, сколь велика она. И Господь словами:

«также возлюби Бог мир» (Ин. 3, 16) изъяснил, что любовь эта безмерна. Поэтому-то псалом и называет домостроительство милостию. А истиною – потому, что на всё древнее в отношении к нему взирает, как на тень и образ. Посему пророк, упоминая о себе, истинно говорит: «клятса Господь Давиду истиною» (Пс. 131, 11). Какой здесь предмет клятвы? Пришествие и житие Господа во плоти. «От плода чрева твоего, – говорит, – посажду на престоле твоем» (Пс. 131, 11), чем указывает Самого Спасителя. Откуда это видно? Этому научает Гавриил, когда возвещает Деве о неизреченном рождении, и внушает, каков будет Имеющий родиться: даст ему Господь Бог, говорит он, престол Давида отца его, и воцарится в дому Иаковли во веки, и царствию Его не будет конца (Лк. 1, 32, 33). Под самую же истиною разумеются суд и правда. Почему? Потому что Спаситель, изгнав его грех и умертвив диавола, сотворил это не преизбытком силы и могуществом победы, а судом и правдою, как сказано: «правда и судьба уготовление престола Твоего» (Пс. 88, 15). Так и ты в своих судах побеждаешь противников приговором судей. Посему-то и Спаситель говорит: ныне суд есть миру сему: «ныне князь мира сего изгнан будет вон» (Ин. 12, 31). Ведая это, блаженный Дионисий говорит, что неисследимое человеколюбие Богочающейся Благости разрушило

тяготевшую над нами державу отступнического полчища, т. е. демонов, не преодолевающею силою, но чрез тайно преданные нам словеса – судом и правдою. Так как восхваляемое есть не только милость и истина, но еще правда и суд, то песнопевец прибавляет: «яко прав Господь Бог наш и несть неправды в Нем» (Пс. 91, 16). «Благо есть, – говорит, – возвещати заутра милость Твою и истину Твою на всяку ночь» (Пс. 91, 2, 3). День и ночь надобно, говорит он, восхвалять Бога, ибо это именно означают слова: заутра и на всяку ночь. В другом месте то же самое выражается словами: на всякое время. Таков смысл первого антифона.

18. Что означают пророческие изречения, поемые в начале священнодействия

Второе же псалмопение восхваляет самое Царство Бога Сына, велелепие Его, к которому восшел Он путем истощания и нищеты. Но какая здесь потребность в сих пророческих изречениях? И какое знаменование имеют они по отношению к домостроительству Спасителя? Они знаменуют начальные времена Его пришествия, когда Он пришел уже, но еще не явился людям: когда Он в мире был, но мир еще не познал Его; означают время до Иоанна, доколе не был еще возжжен светильник. Тогда была еще Ему нужда в словесах пророческих. Когда же после сего явился Сам, преднареченный пророками, уже не было Ему нужды в пророчествах; на явившегося указал уже Иоанн, а прежде Иоанна – Отец. Посему «все пророцы... до Иоанна прорекоша» (Мф. 11, 13). Так это-то время до Иоанна означает пением пророчеств, ибо и честные дары, коими Христос знаменуется, в это время еще не изнесены на средину, но остаются сокровенными в особом отделении алтаря. Теперь рассмотрим изречение псалма: «Господь воцарися, в лепоту облечется» (Пс. 92, 1). Царством псалом назвал познание, какое получили о Господе люди, ради которого и покорились Ему, ибо познали Его благолепие, красоту и могущество, каким и должны были познать. Это именно значит оное слово Спасителя: «дадеся Ми всяка власть на небеси и на земли» (Мф. 28, 18), ибо после сынов неба и жители земли познали Господа истинного. Рассмотрите и дальнейшие изречения – найдешь то же самое. Итак, определяя образ царствования и власти, пророк говорит: ибо утверди вселенную, яже не подвижится. Утверждением называет псалом веру: утвердил Господь преклоненных лестию и соединил с Собою. Таков увлеченный заблуждением: он не может ни в чем остановиться. Но Господь говорит: «шедше научите вся языки, крестяще их во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа» (Мф. 28, 19). А это и есть учение веры. Впрочем, для Царства сей веры недостаточно; нельзя бы покорить народы только сим способом. К этому надлежало присовокупить и хранение заповедей.

Пророк продолжает: «свидения твоя уверишася зело» (Пс. 92, 5); а Господь к слову крещения прибавляет слово о заповедях, говоря: «учаще их блюсти вся, елика заповедах вам» (Мф. 28:20). Ибо что Спаситель называет заповедями, то пророк – свидениями, и это найдешь повсюду в Писании: законы Божии везде называет оно свидениями. Потом: «дому Твоему подобает святыня, Господи», – говорит пророк (Пс. 92, 5), и под

святынею разумеет жертву, то есть дары, всякое, подобающее Богу, служение; словами: «дому Твоему подобает» он показывает, что сей дом не пуст и не чужд Богу, но что в нем обитает Сам Домовладыка, потому что, если бы в нем не было Бога, ему не подобало бы то, что подобает одному Богу. Сии слова подтвердил и Господь, дав обетование всегда быть с Церковью; да и Павел называет Церковь домом Бога живаго, ибо говорит: «да увеси, како подобает в дому Божию жити, яже есть Церковь Бога жива» (1Тим. 3, 15).

«Се Аз с вами есмь»; и что сказал тот: «в долготу дней» то самое говорит Господь: «во вся дни до скончания века» (Мф.28:20). Так и сие псалмопение есть точное пророчество о том, что совершил Спаситель Своим Крестом и смертью.

19. Изъяснение третьего антифона

Следующий же представляется как бы сретением уже пришедшего и явившегося Господа, почему он положен и поется при вношении и явлении Евангелия, коим знаменуется Христос. А что пророк пел сию песнь, имея пред очами души явление Христа, видно особенно из его радования о Нем и веселия, которым и сам он зрится исполненным и к общению в котором призывает всех других: да «приидите, возрадуемся Господеви» (Пс. 94, 1). Человеку до пришествия Господа нельзя было радоваться, потому что радость принес нам один Христос, и если кто на земле радовался прежде, чем Он пришел, то радовался, быв посвящен в Его тайны. Так радовался, говорит, «Авраам... рад бы был, дабы видел день Мой, и виде, и возрадовася» (Ин. 8, 56), и сам Давид: «воздаждь ми радость спасения Твоего» (Пс. 50, 14), ибо какую радость о Христе имел он до греха, тою наслаждаться молил Бога, когда лишился ее чрез грех. Посему, как, говоря: «приидите и просветимся», возвещал о пришествии Света, так словами: «приидите, возрадуемся Господеви», показывает, что Он явился и принес радость. Потом называет Его Спасителем и Господом. А Спасителем и спасением Писание именует Христа потому, что из Богоначальственных Ипостасей один Сын был Самосовершителем нашего спасения и что чрез Него всё соделано. Так сказал и Павел: «Собою очищение сотворив грехов наших» (Евр. 1, 3), что и Сам Он выразил в образе Доброго Пастыря, Который не других послал искать погибшую овцу, но искал её Сам и обрел, и взял, и на раменах принес (ко Отцу); посему принял и соответствующее Своему служению имя – назван Иисусом.

Предварим лице Его во исповедании. Говорит: лице, разумея явление Господа. Не будем ожидать лицезрения Его, когда Он уже войдет в дом, но изыдем Ему в сретение во исповедании, то есть в славословии, и во псалмах воскликнем Ему – воздадим Ему подобающую Богу честь. Он восхотел явиться в образе раба; но мы да не забудем в Нем Владыку, да не соблазнимся плотию, судя по являемому, да не увлечемся о Высоком питать мысли низкие, ибо в сей плоти сокрылся Бог велий Господь и Царь велий по всей земли. К сему пророк далее прибавляет и всё богоприличное. Таковы пророческие изречения, и так-то уместно поются они.

20. О явлении Евангелия и о Трисвятой песни

Тогда, как это поют, священник, став посредине пред престолом, подымлет вверх Евангелие и показывает его, знаменуя этим явление Господа, когда Он начал являть Себя, ибо Евангелием означает Христос, подобно тому, как книги пророческие называются пророками. Так, Авраам говорит богатому: «имут Моисея и пророки» (Лк.16:29), то есть книги их. Когда же Тот, о Ком возвещали пророки, явился Сам и открыл Себя, тогда внимать словам пророков никто уже не считает исключительным долгом. Посему с явлением Евангелия пророчества прекращаются. С сей минуты мы поем то, что относится к Новому Завету: либо воспеваем Всесвятую Матерь Божию, либо восхваляем иных святых, либо песнословим Самого Христа то за Его к нам пришествие, то за Его страдания по пришествии, то за Его дела, которые Церковь каждый раз празднует. Потом восхваляем и Самого Бога в Троице, каковым исповедовать Его научило нас явление Спасителя. Песнь сия приятна от ангелов, заимствована из псаломской книги пророка, принята Христовою Церковью и посвящена Троице, ибо слово: святой, трижды зываемое, есть слово ангелов; а слова; Боже, крепкий и, бессмертный суть слова блаженного Давида, когда он говорит: «возжажда душа моя к Богу, крепкому, живому» (Пс. 41, 3); принятие же и соединение последних с первым и прибавка молитвы, то есть помилуй нас, есть дело Церкви, ведающей и исповедающей Единого Бога в Троице, чтобы показать частию согласие Ветхого Завета с Новым, частию то, что чрез явление Христа, пренебесного и вместе земнородного, ангелы и человеки составляют единую Церковь, один хор. Посему-то после явления Евангелия и входа (в алтарь) мы поем эту песнь, как бы зывая: Сей, пришедший к нам, поставил нас с ангелами и присоединил к хору их. Это так.

21. О молитве, читаемой во время пения этой песни, и о священных возгласениях

Пред этим пением священник молит Бога принять сию песнь и поющим ниспослать благодать. Какую благодать? Соответствующую песни, то есть освящающую души и тела их, подающую прощение грехов, чтобы они в святости служили Богу на всяк день. И прибавляет причину: «яко свят еси и во святых почиваеши, ибо истинно Святому свойственно радоваться о святых и подавать им освящение». Провозгласив это и присоединив славословие, подает иерей тем знак священному собранию воспеть Трисвятое; и оно, по обычаю, закончив славословие словом: аминь, начинает песнь. После же песни священнослужитель повелевает всем стоять не легкомысленно и беспечно, но быть внимательными к тому, что совершают и поют, ибо это означает слово: «вонмем». Потом испрашивает всем мира и воспоминает премудрость, с которою должно внимать таинству. Что же такое премудрость? Приличные священнодействию помыслы, с которыми исполненные веры должны смотреть и слушать совершаемое и произносимое, не имея ничего человеческого. Это-то христианская премудрость, и таково-то значение сего слова, которое священник во время священнодействия многократно произносит верным; о сих помыслах напоминает оно, ибо так нередко мы одним речением напоминаем друг другу целую мысль и возобновляем ее в душах слушателей. А для чего нужно напоминание? Велика сила забывчивости, и из человеческих страстей ни которая столь часто и легко не поборает человека, как эта. Когда же необходимо стоять с надлежащими помыслами и принимать участие в священнослужении, в слушании и созерцании священных песней и действий, чтобы не бесплодно находиться при этом и не вотще тратить время, – что нелегко, – то нужно, чтобы мы сами себя возбуждали и сами собою трезвились; да нужно также и внешнее напоминание, чтобы свой ум, непрестанно уловляемый забвением и увлекаемый к суетным надеждам, могли мы снова восстанавливать. Этого хочет и песнь, поемая во время вношения Честных Даров в алтарь, ибо всякое житейское, говорит, отложим попечение, и это именно означает сие выражение. И возглас: прости есть также увещание. Какое же увещание? Оно хочет, чтобы мы находились пред Богом и таинствами в подвиге не лениво, а с усердием и со всяким благоговением держали себя, видим ли, говорим ли, слушаем ли что-либо из священных молитвословий, и первый знак сей ревности и сего

благословения показывали бы в прямом положении тела, то есть совершали это не сидя, а стоя, ибо таков образ молящихся, таков образ слуг... А мы ведь молим Бога о важнейшем, мы слуги во всех родах служения. Таков смысл сих слов.

22. О чтении Писаний, порядок их и знаменования

После Трисвятой песни читается Апостольская книга, а потом, когда Церковь пропоет Богу хвалебный гимн, читается и самое Евангелие. Но для чего пред чтением Писаний мы восхваляем Бога? Для того, что это надобно делать во всех случаях, в которых Он всякий раз непременно посылает нам Свои дары, особенно же когда мы получаем какое-нибудь великое благо, например слышание Божественных словес. Впрочем, при Апостоле мы поем песнь с прошением, ибо присоединяется: «помилуй»; а при Евангелии делаем славословие без прошения, чтобы знать, что чрез Евангелие знаменуется Христос, Которого обретшие имеют всё, ибо Жених внутри, и имеющим всё нет надобности просить Его о чем-либо, так что сынам брачным неприлично и поститься, поелику с ними Жених, но должно только чтить и восхвалять Его. Такова и песнь ангелов, как передают ее пророки; и она по той же причине есть только песнь и изъята от всякого прошения. Но что значит здесь чтение Священных Писаний? Если хочешь знать назначение, то, как сказано, чтение приготавливает нас и предпочищает пред великим освящением чрез таинство. А если доискиваешься значения, то оно знаменует откровение Господа, которое Он явил вскоре по Своем явлении. Ибо Евангелие сперва показывается закрытым, знаменуя явление Господа, когда явился Он по воле Отца в безмолвии и, ничего не проповедуя Сам, имел при Себе глас вопиющего.

А это (т. е. чтение Евангелия) есть уже знак совершенного Его откровения, при котором Он открыто беседовал со всеми и явил в Себе не только то, что Сам говорил о Себе, но и то, что учил говорить апостолов, посылая их «к погибшим овцам дома Израилева» (Мф.10:6). Для того-то читаются писания апостольские, читается и самое Евангелие. А почему не прежде Евангелие? Потому, что знаменья откровения, явленные Самим Господом, совершеннее, чем те, которые изречены апостолами. А так как Господь не вдруг явил людям, каков Он по Своей силе и каков по Своей благодати (ибо это относится ко второму Его пришествию), но шел, совершая путь от менее ясного к более ясному, то желающим показать постепенное Его явление естественно читать апостольские писания прежде Евангелия. Для того-то соблюдаются к концу и знаки совершеннейшего Его явления, как это видно будет из последующего.

23. О прошениях, следующих за Евангелием

По прочтении Евангелия диакон повелевает народу молиться. Молится тихо, про себя, и сам священник внутри алтаря, чтобы Бог принял молитвы народа, а потом, громогласно славословя Бога, приемлет в общение славословия и народ. Но какая молитва из всех особенно прилична после Евангелия? Молитва о хранящих Евангелие, молитва о подражающих человеколюбию Христа, знаменуемого Евангелием. Кто же сии (хранители Евангелия)? Предстоятели Церкви, пастыри народа, учредители порядка, ибо они-то, если хранят обет, соблюдают верно и преподают написанное там (в Евангелии) и, по Апостолу (Кол. 1, 24), исполняют лишения скорбей Христовых после Него, пася стадо Его, как Ему благоугодно. Они также суть строители и попечители священных домов и учителя добродетели; и, если кто как-либо полезен общему делу Церкви и священным лицам и вещам, то, конечно, они стоят в этом сонме и достойны общих молитв. Намереваясь же, наконец, перейти к жертве, при которой непосвященным присутствовать не следует, которых мы называем также и оглашенными, потому что они приняли христианство только слухом, сколько возможно это чрез наставление, священник, совершив прежде молитву о них, высылает их из сонма верных христиан. А молитва его бывает о том, чтобы они достигли совершенства, по времени удостоившись крещения. Цель же молитвы – слава Божия: «да и тии, – говорит, – с нами славят пречестное и великолепое имя Твое». Провозгласив сие как славословие и в общении славословия приняв весь сонм верных, он совершает другую молитву, в которой прежде благодарит Бога, что удостоился стать пред Ним и воздевать к Нему руки за себя и за других; потом просит удостоить его делать сие всегда с чистою совестью. А цель этой молитвы – слава Божия: «яко Тебе подобает, – говорит, – всякая слава». Совершив так, по обычаю, славословие вместе с народом, священник опять молится про себя и о самом себе, и о народе, чтобы ему неосужденно предстоять святой трапезе: предстоять чистым от всякой скверны плоти и духа, а сомолящимся верным удостоиться причащения Тайн без вины и осуждения и, кроме сего, получить наследие Небесного Царствия. Причина же молитвы опять – слава Божия, для коей все делать повелел Павел, говоря: «вся во славу Божию творите» (1Кор. 10, 31). «Да будет, – говорит, – всегдашнею нашею целию славить Бога». Земледельцы целию своих трудов почитают собрание плодов, для которых они охотно работают; купцы – прибыль; другой – другое что-либо; а вы во всем, что

ни делаете, ищите славы Божией, ибо мы рабы, призванные на сие именно служение Владыке; для сего служения мы сперва сотворены Им, а потом искуплены. Потому-то ты найдешь, что Церковь всегда заботится о славе Божией и это слово провозглашает постоянно; сию славу она во всем восхваляет, везде ее видит и всё для нее совершает: и молитвы, и прошения, и таинства, и увещания, – всё священное. Это так.

24. О внесении честных даров в алтарь

Потом священник, совершив громогласно славословие Богу, идет к дарам и, благоговейно подняв их на голову, выходит. Неся их таким образом, он входит в алтарь и нарочито идет по храму спокойно и медленно. Сами же (верные) поют и со всяким смирением и благоговением наклоняются пред ним, прося, чтобы он при возношении даров помянул их. А он идет в предшествии светильников и фимиама и в таком чине вступает в алтарь. Это бывает по нужде, ибо надобно внести и положить в алтарь дары, имеющие быть принесенными в жертву, и притом совершить это, сколько можно, благоговейно и благоприлично. Так и цари, когда желают принести дар Богу, не другим поручают это дело, но несут и вносят их сами, имея на голове корону. Это может означать и последнее явление Христа, которым воспламенена была особенно ненависть евреев, и шествие Его из отечества в Иерусалим, в котором надлежало Ему принести Себя в жертву, и въезд Его в город в предшествии и при хвалебных восклицаниях народа. В это время надобно припадать к ногам священника, прося, чтобы он помянул нас в тех молитвах, ибо нет иного способа прошения, который имел бы столь великую силу и подавал нам столь твердые надежды, как способ, представляемый сею страшною жертвою, которая туне очистила нечестия и беззакония. А кто из припадающих к ногам священника, когда он входит с дарами, покланяется и обращается к несомым дарам как бы к самому Телу и Крови Христовой, тот поступает несправедливо, смешивая этот вход со входом преждеосвященных Даров по незнанию различия между сим и тем священнодействием. Во время этого входа дары бывают еще не священнодействованные и несовершенные; а в том священнодействии они совершенны и освящены: они Тело и Кровь Христовы. Это так.

25. О том, что совершается по внесении даров, о молитвах и наставлениях священника народу

Священник полагает дары на престоле, а сам, так как уже приступает к тайнодействию и намеревается прикоснуться страшной жертве, благонастрояет себя, очищается молитвами и готовится к священнодействию. И не себя только готовится, но и предстоящий народ располагает к сей благодати молитвою, любовью друг к другу и исповеданием веры. А в этом и состоит всё приготовление, которое заповедал Господь, говоря: «будьте готовы» (Мф. 24, 44), ибо здесь и вера, и дела; вера обнаруживается посредством исповедания, а дела – посредством любви, которая есть конец всякого доброго дела и венец всякой добродетели. Но это немного после. А сперва он повелевает предстоящим верным молиться, о чем в то время должно молиться: «о предложенных дарех, – говорит, – Господу помолимся». Будем молить Бога о предстоящем, чтобы освятились дары и сделанное в начале предложение приведено было к концу. Потом предлагает и другое, о чем надлежит молить Бога, и, наконец, повелевает предать Богу и себя, и друг друга, и всю жизнь; а окончание молитвы, которую возносил к Богу про себя, возглашает, по обычаю, во услышание всех и славословит Бога и, приняв народ в общение славословия, молится о взаимном мире между всеми и увещевает к тому. Ибо, сказав: «мир всем», он прибавляет: «возлюбим друг друга». А так как молиться друг за друга есть заповедь апостольская, то народ молится о даровании того же мира и ему, говоря: «и духови твоему». поелику же за нашу любовь друг к другу следует и любовь к Богу, а любовь к Богу сопровождается совершенною и живою верою в Бога, то, сказав о любви и сделав увещание любить друг друга, он тотчас говорит об исповедании веры: «да единомыслием, – говорит, – исповеваем»; и верные призывают Святую Троицу, которую должно исповедовать как Бога.

26. Об исповедании веры и о том, к чему после него священник увещевает верных и о чем молится, и что они отвечают ему

Потом священник повелевает всем провозгласить, что знают они о Боге и во что веруют, – провозгласить истинную премудрость, о которой говорит Апостол: «премудрость же глаголем в совершенных» (1Кор. 2, 6), которой мир не познал, то есть мудрые мира, ничего не знавшие больше и выше познаний чувственных и вовсе не верившие в существование лучших познаний. Для сей премудрости повелевает он отверсть все двери – и уста наши, и уши наши. Для сей премудрости, говорит, отверзите; ее непрестанно и произносите, и слушайте, и делайте сие не леностно, а с ревностью и внимая самим себе, – и они возглашают всё исповедание – Символ веры. Потом священник говорит: «станем добре, станем со страхом». Будем стоять в этом исповедании, не смущаясь разглагольствиями еретиков; будем стоять со страхом, так как великая опасность угрожает тем, которые питают в душе какое-либо сомнение касательно сей веры. Таким образом, твердо стоя в вере, говорит он, да совершаем и приношение даров наших Богу разумно. Что значит разумно? В мире: «вонмем, – говорит, – святое возношение в мире приносить». Помните, говорит он, слова Господни: «аще принесеши дар твой ко алтарю и помянеши, яко... некто... имать... на тя, ...прежде смирися, ...и тогда пришед приноси дар твой» (Мф. 5, 23, 24). Верные же отвечают: приносим не только с миром, но и самый мир вместо дара и другой жертвы; приносим, говорят они, милость Тому, Кто сказал: «милости хочу, а не жертвы» (Мф. 9, 13). А милость есть порождение твердого и чистого мира, ибо, когда душу не возмущает никакая страсть, то ничто не препятствует ей быть исполненной милостию. И не только милость, но и жертву хваления. Когда они это скажут, священник испрашивает то, что всего божественнее и важнее: «благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святого Духа буди со всеми вами.» А верные, испрашивая того же священнику по заповеди, повелевающей молиться друг за друга, отвечают ему: «и со духом твоим». Молитва же сия взята из писаний блаженного Павла (2Кор. 13, 13). Она испрашивает нам у Пресвятой Троицы "благо,... всяк дар совершен» (Иак. 1, 17); и благо от каждой из блаженных Ипостасей именуется особым именем: от Сына – благодатию, от Отца – любовью, от Духа – причастием. Ибо, тогда как мы

ничего не привнесли своего, а еще подлежали и осуждению, Сын соделался Сам нашим Спасителем, «яко еще грешником сущим, – сказано, – Он за ны умре" (Рим. 5, 8), а потому смотрение Его о нас есть благодать. поелику же Отец чрез страдания Сына примирился с человеческим родом, и возлюбил врагов, то Его благодеяние в отношении к нам называется любовью. А так как врагам, соделавшимся друзьями, подобало соделаться участниками в благах Богатого милостию, то это совершает нисшедший на апостолов Дух Святый, а посему Его благодать к людям именуется причастием. Но, может быть, скажет кто-нибудь, что все сии блага уже даровал людям пришедший Спаситель, а потому какая нужда теперь в молитве о том, что уже дано нам? Очевидная – именно, чтобы, получив эти блага, нам не потерять их, но постоянно пользоваться ими до конца. Оттого не сказал: да подастся всем вам, ибо уже дано, но: буди со всеми вами. Да не отступает от вас, говорит, данная благодать. Сподобив их такой молитвы и воздвигнув таким образом души их от земли, священник возвышает их помыслы и говорит: горе имеим сердца; да "мудрствуем... горняя,... а не земная» (Кол. 3, 2); и верные, соглашаясь с этим, отвечают, что сердца их там, где наше сокровище, «идеже Христос, одесную Бога сидя» (Кол. 3, 1), – «имамы ко Господу».

27. Об освящении даров и о предшествующем ему благодарении

Кто настроен так хорошо и свято, тому что остается, как не обратиться к благодарению Подателя всех благ Бога? Таким образом, подражая первому Иерею, Который пред сообщением таинства причащения принес благодарение Богу и Отцу, и священник пред совершительною молитвою, которою священнодействует святые дары, приносит благодарение Богу и Отцу Господа нашего Иисуса Христа: «благодарим Господа»; и, когда все согласятся с этим и воспоют: «достойно и праведно», он и сам возносит благодарение Богу; и, воздав Ему славословие, восхвалив Его с ангелами, исповедав благодарение Ему за все блага, которые Он даровал нам от века, и, наконец, совершив воспоминание оного неизреченного и постоянного смотрения о нас Спасителя, он затем священнодействует честные дары и совершает всю жертву. Каким образом? Возвестив о той страшной вечери, как Спаситель пред Своими страданиями преподал ее святым Своим ученикам, как взял чашу, как принял хлеб и, возблагодарив, освятил и как изрек те слова, которыми показал, что это – таинство. Произнеся самые слова эти, священник потом преклоняется до земли, молится и просит, применяя к подлежащим дарам Божественные изречения Единородного Сына Божия, Спасителя нашего, чтобы Всесвятый и всемогущий Дух Божий, почив на них, преложил хлеб в самое честное и святое Тело Христа, а вино – в самую честную и святую Кровь Его. После сих слов все священнодействие окончено и совершено; дары освящены, жертва уготована, великий и священный Агнец, закланный за грехи мира, зрится лежащим на священном престоле. Ибо хлеб Тела Господня уже не образ, не дар, представляющий только вид истинного дара, уже носит в себе не изображение некое спасительных страданий, как бы на картине, но есть самый истинный дар, самое всесвятое Владычнее Тело, истинно приявшее все оные укоризны, поношения, раны, распятое, прободенное, «свидетельствовавшее при Понтийском Пилате доброе исповедание» (1Тим. 6, 13), претерпевшее заушения, биение, заплевания, вкусившее желчь. Подобным образом и вино есть самая Кровь, истекшая из прободенного тела. Это та Плоть и та Кровь, которые соединены Духом Святым в одно Тело, рожденное от Святой Девы, погребенное, воскресшее в третий день, восшедшее на небеса и сидящее одесную Отца.

28. На каком основании мы несомненно веруем в таинство

Какое же ручательство за верность этого? Спаситель Сам сказал: «сие есть Тело Мое»,... «сия есть Кровь Моя»; (Мф. 26, 26, 28). Сам Он повелел и апостолам, а чрез них и всей Церкви совершать это.

"Сие, – сказал Он, – творите в Мое воспоминание» (Лк. 22, 19). Но не повелел бы Он совершать это, если бы не хотел дать силы, чтобы мы могли это совершать. Какая же эта сила? Дух Святой – сила, свыше ополчившая апостолов согласно с тем, что сказал им Господь: «вы же сидите во граде Иерусалиме, дондеже облечетесь силою свыше» (Лк. 24, 49). Это есть дело Того нисшествия, ибо, однажды сойдя, Он потом не оставил нас, но с нами пребывает и всегда будет. Для того-то Спаситель и послал Его, да будет с вами ввек, «Дух истины, Егоже мир не может прияти, яко не видит Его, ниже знает Его: вы же знаете Его, яко в вас пребывает и в вас будет» (Ин. 14, 17). Он-то руками и языком священников совершает таинства. И не только Духа Святого послал нам Господь, чтобы Он пребывал с нами, но и Сам Господь обещал быть с нами до скончания века. Но Утешитель находится с нами невидимо, потому что не носит тела; а Господь и зрится, и позволяет осязать Себя в страшных и священных Тайнах, потому что воспринял и во веки носит наше естество. Такова освящающая сила, таков Иерей: единожды принеся Себя и будучи пожертвьем, Он не престал от освящения, но непрестанно совершает для нас сию службу и потому является вечным Ходатаем нашим пред Богом, ради чего и сказано Ему: «Ты иерей во век» (Пс. 109, 4). Посему касательно освящения даров и других таинств у верных нет никакого сомнения, хотя они и совершаются по предложению и по молитвам священников. Об этом довольно.

29. О том, в чем латиняне относительно этого укоряют нас, и ответ на их укоры

Относительно этого некоторые латиняне порицают нас. Они говорят, что после слов Господа: «приимите, ядите» (Мф. 26, 26) и так далее для освящения даров не нужно еще никакой молитвы, так как они уже совершены словом Господним. Посему кто по произнесении сих слов именует дары хлебом и вином и продолжает молиться об освящении их, как будто они еще не освящены, тот, говорят, кроме того, что страдает неверием, делает суетное и излишнее дело. А что дары освящаются именно этими словами, об этом, говорят, свидетельствует блаженный Златоуст, говоря: как то творческое слово: «раститесь и множитесь» (Быт. 1, 28) изречено было Богом однажды, а действует всегда, так и это слово, изреченное Спасителем однажды, действует во все времена. Итак, более полагающиеся на свою молитву, чем на слово Господне, во-первых, осуждают Его в слабости: во-вторых, кажется, более доверяют себе; а, в-третьих, от дела сомнительного, от человеческой молитвы поставляют в зависимость такое дело, как таинство, и, тогда как в него надобно веровать несомненно, подвергают его сомнению. Молящемуся в этом случае не нужно и внимать, хотя бы по своей добродетели он был подобен Павлу. Но всё сие разрешить нетрудно. И, во-первых, надобно начать с тех слов божественного Иоанна, на которых латиняне основываются. Положим, что это слово имеет силу слова Творческого, но вникнем в него. Рече Бог: «раститесь и множитесь». Что же? После сего слова мы уже не имеем нужды ни в чем другом? И ничто другое не нужно нам для размножения? Или еще требуется брак, супружество и другие заботы, без которых нельзя существовать и распространяться человеческому роду? Следовательно, как там для чадорождения мы почитаем необходимым брак, а после опять молимся о самом браке и этим не думаем унижать Творческое слово, зная, что оно, конечно, есть причина рождения, однако же чрез брак, чрез пищу и чрез многое другое, так и здесь мы веруем, что само слово Господне совершает таинство, но именно чрез священника, чрез предстательство его и молитву, ибо оно действует не просто чрез всё и не как-нибудь, но требуется многое, без чего оно не окажет своего действия. Кто не знает, что смерть Христа есть единственное средство, принесшее в мир отпущение грехов? Но знаем и то, что после Его смерти нужны и вера, и покаяние, и исповедание, и молитвы священников; и человек не может разрешиться от грехов, если этому не будут предшествовать все сии

действия. Что же? Уничижаем ли мы ту смерть и признаем ли ее слабою, когда думаем, что недостаточно будет совершенное ею, если не привнесем того, что нужно и с нашей стороны? Нет. Следовательно, несправедливо осуждать и тех, которые молятся о совершении даров. Притом полагающиеся на молитву полагаются не на себя, а на Бога, обетовавшего даровать по молитве; самое значение молитвы указывает на это. Ибо, совершая молитву, молящиеся выражают то, что они не надеются сами по себе получить просимое, но веруют, что только от Бога получают его. Таков вопль молящегося, когда, оставив себя, он прибегает к Богу, потому, что, не признавая силы в себе, всё вверяет Ему одному. Не мое, говорит он, это дело, не моей силы: Ты только можешь, на Тебя всё возлагаю, особенно когда мы молимся о предмете сверхъестественном и всё превышающем, каковы Тайны. Тогда молящимся совершенно необходимо полагаться на одного Бога, потому что человек, не наставленный Богом, не в состоянии и помыслить об этом, без Его внушения не может и пожелать этого, без надежды на неложность Обещавшего нельзя ему чаять и получения; так что никто не дерзнул бы и молиться о таких предметах, если бы Сам Он несомненно не показал, что Ему угодно, чтобы о сем молились, и что Он готов даровать это просящим. Посему молитва здесь несомненна и цель ее очевидна, так как Сам дарующий Господь всячески показал, что Он хочет даровать. Для того-то мы и веруем в освящение Тайн по молитве священника, полагаясь на нее не как на какую-нибудь молитву человеческую, а как на силу Божию, и не потому, что молится человек, а потому что внимает Бог; не потому также, что умоляют Его, а потому, что Истина обещала даровать по молитве. А что Христос показал, что Он всегда готов даровать сию благодать, о том нечего и говорить. Для того пришел Он на землю, принес Себя в жертву и умер, для того алтари и священники, и всякое очищение, и все заповеди, и наставления, и увещания, чтобы предложить нам сию трапезу; потому говорил Он, что возжелал той Пасхи (Лк. 22, 15), что намеревался тогда преподать Своим ученикам Пасху истинную; потому повелел творить сие в Свое воспоминание, что хотел, чтобы мы всегда священнодействовали ее. Какое же еще сомнение касательно просимого могут иметь молящиеся, если, с одной стороны, они надеются получить то, о чем просят, и если, с другой, Могущий дать желает дать?

Итак, верующие, что молитвою освящаются дары, как не унижают слов Спасителя и не полагаются на себя, так не от сомнительного дела, какова человеческая молитва, поставляют в зависимость таинство, как напрасно обвиняют нас латиняне. Ибо и всесвятое миро, которое, по

словам блаженного Дионисия, единочинно с Божественным причащением, совершается и освящается молитвою; и благочестивые нисколько не сомневаются, что она имеет силу совершительную и освящающую. Таким же образом чрез молитву священнодействуется рукоположение священника и архиерея, ибо говорится: помолимся о нем, да приидет на него благодать Всесвятого Духа, – как взывает к клиру рукополагающий по возложении руки. И в Церкви Латинской рукоположение священника совершается так, что по возлиянии мира на главу рукополагаемого совершитель таинства молится о нисшествии на него обильной благодати Святого Духа. Точно так же и отпущение грехов кающимся даруется чрез молитву священническую. Наконец, подобным образом молитвою же священников совершается и таинство елея, которое приемлющим его дарует и исцеление от телесной болезни, и отпущение грехов, как говорит апостольское предание: «болен ли кто из вас, да призовет пресвитеры церковныя и да молитву сотворят над ним, помазавше его елеем во имя Господне, и молитва веры спасет болящаго, и воздвигнет его Господь, и аще грехи сотворил есть, отпустятся ему» (Иак. 5, 14–15). Что же скажут на это те, которые не одобряют молитвы в таинствах? Если, как говорят они, не видно, что производят молитвы, то равным образом не видно, священник ли тот, кто называется этим именем, не видно, может ли он освящать миро: и таким образом не может совершиться таинство святого причащения, потому что на самом деле тогда нет ни священника, ни алтаря, так как они и сами не скажут, что слово Господне, независимо от лица и без алтаря, имеет силу совершительную. Но алтарь, на котором должно полагать хлеб, освящается миром, а миро священнодействуется чрез молитвы. Точно так же: кто несомненно дает нам оставление грехов, если и священники, и их молитвы сомнительны? После сего последователям их нововведений ничего более не остается, как уничтожить все христианство. Явно, что сомнительны действия, скорее, тех, которые так думают, и опасно дело их, кои придумывают чуждое отеческим преданиям, имеющим в себе ручательство несомненности. Что Бог внемлет, когда Ему молятся, что просящим у Него дает Он Духа Святого и для тех, кто обращается к Нему с верою, делает все возможным, о том сказал Сам Бог, и это никаким образом не может быть неистинно; но, чтобы с пересказывающими только какие-либо слова случалось что-либо подобное, нигде не говорится. Притом совершение Тайн молитвою предали отцы, принявшие от апостолов и их учеников и все прочее, как я сказал, и святую Евхаристию; предали после многих других и Василий Великий, и Иоанн Златоуст – великие учителя Церкви; кто им

противоречит, тех желающих быть правоверными не должны удостаивать и ответа. Что же до того, будто для освящения даров достаточно слова Господня о тайнах, произносимого в виде повествования, о том не видно, чтобы сказал кто-либо из апостолов или из учителей. Что однажды изреченное Господом – потому именно, что изречено Им, – оно, как слово Творческое, всегда действует, о том, говорит и блаженный Иоанн; но что, будучи произносимо теперь священником, оно имеет силу, потому что им произнесено, этого ниоткуда нельзя видеть, ибо то Творческое слово действует не потому, что в известных случаях произносится каким-нибудь человеком, а потому, что однажды изречено Господом.

30. О том, что и в Латинской Церкви таинство Евхаристии совершается таким же образом

Совершенно же заграждает им уста то, что и Латинская Церковь, на которую они, по-видимому, ссылаются, после слова Господня не отказывается приносить молитву о дарах. Они забывают это потому, что молятся не тотчас после слов Господних и что об освящении и преложении в Тело Господне просят неясно, а употребляют другие, относящиеся к этому именованию, хотя они и имеют ту же самую силу. Что же это за молитва? «Повели вознестися дарам сим рукою Ангела в пренебесный Твой алтарь». Пусть скажут они, что значит «вознестися дарам сим»? Они молятся либо о местном их преложении от земли и от низшей области на небо, либо о преложении каком-то особенном: из состояния униженного в высокое. Но если здесь разумеется первое, то какая польза нам молиться о взятии от нас святых, когда мы молимся и веруем, что она у нас и с нами пребывает, и когда это и значит, что Христос пребывает с нами до скончания века? Как они не верят, что, если признавать это Телом Христовым, то оно и с нами – и пренебесное, и сидит одесную Отца (а каким образом, – только Он знает). Как бы могло оно быть пренебесным, если бы не было самим пренебесным Телом Христовым? Как ему и вознестись рукою Ангела, когда оно выше всякого начала и власти, и силы, и всякого имени, именуемого под небесем? Если же они молятся о преложении особенном – в нечто лучшее, то не знаю, сколь великое поднимают они бремя нечестия, когда, признавая, что это – самое Тело Господа Христа, думают, что оно придет в лучшее и святейшее состояние. Из этого ясно видно, что хлеб и вино они не признают еще получившими освящение, и потому молятся о них, потому что они еще требуют молитвы, – молятся вознестися им, так как они еще лежат внизу, не освящены на небесном алтаре, дабы, быв на нем положены, соделались жертвою, ибо имеют нужду в руке Ангела, так как низшая иерархия человеческая, по словам великого Дионисия, вспомоществуется высшею иерархией Ангельской. Итак, молитва эта в отношении к дарам производит не что иное, как то, что предлагает их в Тело и Кровь Господа, ибо под именем того алтаря надобно разуметь не какое-нибудь отделенное на небе место, на котором надобно приносить жертву, иначе мы не много отличались бы от тех, которые говорят, что в Иерусалиме или на горе Самарийской есть место, где должно поклоняться Богу. поелику, как говорит блаженный Павел, "един... Бог, и един Ходатай Бога и человеков,...

Иисус Христос» (1Тим. 2, 5), то всё, что имеет силу ходатайства и дарует нам освящение, истекает только от одного Спасителя. Но чем усвоится нам ходатайство и что имеет силу освящать? Священник, освящаемое, алтарь, ибо, по слову Господню, алтарь освящает приносимое в жертву: "алтарь, – говорит Он, – есть святой дар» (Мф. 23, 19). Итак, если освящающий один Он, то и священник, и освящаемое, и алтарь суть одно. Что и священник и освящаемое суть одно, об этом Он Сам сказал: "за них, – говорит, – Аз свящу Себе» (Ин. 17, 19); а что касается до алтаря, то об этом свидетельствует святейший Дионисий в главе о мире, говоря: «Если Божественнейший наш алтарь есть Иисус, Богочаинное освящение святых умов, о Немже, как сказано, будучи освящаемы и таинственно всесожигаемы, приведение имама (Еф. 2, 18), то будем премирными очами созерцать тот Божественный алтарь». В этот-то пренебесный алтарь и молит священник вознести дары, то есть молит освятить их, преложить в самое пренебесное Тело Господне, а не дать им другое место, или с земли перенести на небо, потому что и после молитвы мы, тем не менее, видим их пред собою. Ибо если алтарь освящает положенные на нем дары, то одно и то же – об освящении ли даров молиться, или о возложении их на алтарь. Что же это за освящение, которым алтарь освящает возложенные на нем дары? Это то освящение, которым Сам Единый Иерей освятил Себя, принеся Себя Богу и пожершись, и так как Сам Он есть и Иерей, и алтарь, и жертва, то все одно значат выражения: быть освященным от того Иерея, или преложиться в то освящаемое, или быть возложенным на тот пренебесный алтарь. Посему, если ты станешь просить о чем-либо одном из сих трех, то будешь просить о всем; и ты имеешь просимое, ты совершил жертву. Таким образом ваши священники, созерцая Христа, как освящаемое, молятся о возложении на Него даров, – молятся о том же самом, только в других выражениях и словах. Посему наши священники, помолившись о преложении даров в Божественное Тело и Кровь и вспомняв о пренебесном алтаре, уже не молятся о возношении на него даров, но, так как они вознесены туда и приняты, то они молятся о ниспослании нам благодати и дара Святого Духа. Помолимся, говорят, об освященных дарех, для того, чтобы они освятились? Нет, они уже освящены; но, чтобы ими освятились мы, чтобы освятивший их Бог и нас освятил чрез них. Итак, ясно, что и Латинская Церковь не пренебрегает молитвою о дарах после слов Господа, а поступают так только некоторые, немногие и позднейшие, которые и в других отношениях повредили ей, стремясь только к тому, чтобы говорить и слышать что-либо новое. Это – о молитве.

31. Почему священник призывает освятить дары не Сына, а Отца

Но для чего священник к освящению даров призывает не Сына, тогда как Он, как сказано, и Священник, и освящает, а Отца? Чтобы ты знал, что Спаситель освящает не как человек, а как Бог, по Божественному Своему могуществу, которое у Него одно с Отцом. Желая показать это, и Сам Господь, когда совершал таинство, воззрел на небо и показал хлеб Отцу. По этой-то причине подобным же образом являл Он Себя и при совершении некоторых чудес – принимал вид молящегося Богу, чтобы показать, что это дело не человеческого естества, по которому Он имел на земле Мать, а Его Божества, по которому Он имеет Отцом Бога. И когда намеревался Он вознестись на крест, то, желая показать две Свои воли – Божескую и человеческую, волю Своего Божества предал Отцу, а волю Своего человеческого естества назвал Своим хотением: «не яко Аз хочу, – сказал, – но якоже Ты» (Мф. 26, 39), и «не Моя воля, но Твоя да буде»т (Лк. 22, 42). Что Сам Он хотел тою волею, которою исполнял волю Отца, это видно из этих самых слов, где Он отличает хотение Свое от хотения Отчего, ибо выражение: не Моя воля, но Твоя да будет, свойственно соглашающемуся и желающему того же самого. Это же показал Он, когда укорил Петра, умолявшего Его не идти на крест и смерть (Мф. 18, 23); также, когда говорил: «желанием возжелех сию пасху ясти с вами, прежде даже не прииму мук» (Лк. 22, 15). Возжелал, говорит, Пасхи прежде мук; как бы так выразился: желанием возжелал Я видеть приготовление к Моим страданиям. Об этом довольно.

32. О самой жертве и о том, над чем совершается жертва

Касательно самой жертвы надобно рассмотреть следующее. Так как жертва есть не вид жертвы и не образ крови, но поистине заколение и жертва, то исследуем, что приносится в жертву, – хлеб ли или Тело Господне, то есть когда дары становятся жертвою: прежде ли освящения или по освящении? Если приносится в жертву хлеб, то, во-первых, как хлеб может быть жертвою? А, во-вторых, не в том состоит таинство, чтобы видеть закалаемый хлеб, но – видеть Агнца, Своим заколением вземлющего грех мира. Если же сказать, что приносится в жертву святое Тело Господне, то это тем более невозможно, потому что, как уже неразрушимое и бессмертное, оно не может подвергнуться заколению или уязвлению. Если бы даже и возможно было случиться чему-нибудь подобному, то в таком случае надлежало бы быть и распинателям, и соединиться всему другому, чтобы совершить ту жертву, так как предполагается, что это не вид закляния, а истинное закляние.

Далее, каким же образом Христос однажды умер и, встав, уже не умирает, однажды пострадал по исполнении веков и, как сказано, «единою принесен, во еже вознести многих грехи» (Евр. 9, 28), когда Он приносится в жертву каждый раз при совершении таинств и каждый раз умирает? Что сказать на это? Жертва совершается и не прежде освящения хлеба, и не по освящении его, но в самом освящении, ибо надобно вполне соблюдать учение о ней веры, не опуская ничего. Какое же разумею учение? То, что эта жертва есть не образ или вид жертвы, а истинная жертва, что не хлеб принесен в жертву, а самое Тело Христово, и, к тому же, что жертва Агнца Божия только одна и однажды совершилась. И прежде всего рассмотрим священнодействие: действительное ли оно жертвоприношение или только подобие его? Как при жертвоприношении овцы из вовсе не закланной превращается она в закланную, так бывает и здесь, то есть хлеб нежертвенный прелάζεται тогда в жертву, так как из хлеба незакланного превращается в самое Тело Господне, истинно закланное. Следовательно, как перемена в овце делает из неё истинную жертву, так и здесь, чрез сие преложение совершается истинная жертва, ибо хлеб прелάζεται не в вид заколения, а в самое заколение, в самое Тело Господа, принесенное в жертву. Но если бы был приносим в жертву хлеб как хлеб, то хлеб же подвергался бы и заклянию и заклянием тогда было бы принесение в жертву хлеба. А так как в обоих отношениях в нем

произошла перемена: из нежертвы он сделался жертвою, а из хлеба – Телом Христовым, то оное заклание, созерцаемое не в хлебе, а как бы в предлежащем Теле Христовом, есть и называется принесением в жертву не хлеба, а Агнца Божия. Явно, что если предположить это, то никакой не будет нужды думать, что приношений Тела Господня бывает много, ибо, так как эта жертва совершается не чрез заклание в то время Агнца, а чрез предложение хлеба в закланного Агнца, то явно, что тогда бывает предложение, а заклания не бывает, и таким образом прелагаемое многократно и предложение совершается часто, а тому, во что прелагается, ничто не препятствует быть одним и тем же; и как Тело – одно, так и заклание Тела – одно.

33. О молитвах после жертвоприношения и о том, по какой причине здесь воспоминаются святые, особенно же Пресвятая (Богородица)

По совершении жертвы священник, видя предлежащий залог Божия человеколюбия – Агнца Его, принимая его уже как Ходатая и имея с собою Утешителя, выражает свои приношения пред Богом, изливая молитву уже с доброю и твердою надеждою и молится, чтобы молитвы, которые он приносил о тех, кого воспоминал, предложив хлеб, и о ком творил предсовершительные прошения, с которыми приносил дары и просил принять их, чтобы они, быв приняты, исполнились на деле. Какие же молитвы? Общие и за живых, и за отшедших, чтобы принявший дары Бог взамен их послал благодать Свою, в частности отшедшим, – упокоение душ и наследие Царствия с прославившимися святыми, а живым – причастие святой трапезы, освящение, свободу от всякого осуждения, отпущение грехов, мир, плодородие, получение необходимого и, наконец, чтобы они явились пред Богом достойными Царствия. поелику самое приношение жертвы есть не только действие молитвенное, но и благодарственное, то как в начале совершения таинства священник, посвящая Богу принесенные дары, выражал и благодарение, и прошение, так и теперь, по принесении в жертву и освящении даров, он и благодарит за них Бога, и присоединяет прошение, при этом излагает и побуждения к благодарности и указывает предмет молитвы. Какие же это побуждения к благодарности? Это, как и прежде сказано, суть святые, ибо в них Церковь обрела просимое и получила то, о чем молится, – Царствие Небесное. А какой предмет прошений Церкви? Это еще не достигшие совершенства и имеющие нужду в ее молитве. И о Святых говорит она: еще приносим Ти словесную службу о иже в вере почивших Отцах, Праотцах, Патриарсах, Пророках, Евангелистах, Апостолах, Исповедниках, воздержниках и о всяком душе в вере скончавшемся, изрядно о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии и потом перечисляет весь сонм Святых. Они-то составляют для Церкви побуждения благодарить Бога, за них приносит она словесную сию службу, как благодарность Богу, и преимущественно пред всеми другими за Блаженную Матерь Божию, как высшую всякой святости. Потому священник ни о чем не просит относительно их, а, скорее, молит их, чтобы они помогали ему своими молитвами: потому что творит за них, как

сказано, не молитвенное, а благодарственное приношение Даров. После же сего он выражает и прошение и, перечисляя тех, о ком просит, молится даровать всем спасение и соответственное каждому благо; между прочим, говорит и следующее: еще приносим Ти словесную сию службу о вселенной и о святей соборней и апостольстей Церкви, о иже в честном жительстве пребывающих, о правителях наших; и об этом молится.

Таким образом блаженный Иоанн, означая, что сия священная служба имеет две стороны: благодарственную и просительную, особо полагает тех, за кого благодарит, и особо тех, о ком молится. Но божественный Василий благодарение соединяет с прошением и это делает во всей литургии; так что ты найдешь, что почти все его молитвы имеют и ту, и другую силу. Так, он воспоминает Святых, которых перечисляет святой Иоанн, и в том же месте священнодействия, но неодинаковым образом, ибо, молясь, чтобы все сподобились причащения Тайн не в суд или во осуждение, прибавляет: «но да обрящем благодать со всеми святыми от века Тебе благоугодившими, праотцы, отцы, патриархи», и т. д.; потом – «изрядно о Пресвятей». Впрочем, и эти слова, хотя заключают в себе и прошение, выражают и благодарение, и проповедают Бога, благодеющего человеческому роду; в них священник воспоминает прославленных. Им и освященных людей, говоря как бы так: даруй нам благодать, которую прежде даровал святым; освяти нас, как еще прежде освятил едиnorodных с нами.

34. О том, как священник молится о Святых Дарах про себя и о чем повелевает молиться верным

Помолившись о том, что потребно всем, священник молится и за себя, чтобы от Даров получить и себе освящение. Какое освящение? Отпущение грехов, ибо это первое действие сих Даров. Откуда это видно? Из слов Господа, которые Он изрек апостолам, показав на хлеб: «сие есть Тело Мое, за вы ломимое, во оставление грехов», подобно как и на чашу. «Помяни, Господи, – говорит он, – и мое недостойнство, прости ми всякое согрешение вольное же и невольное, и да не моих ради грехов возбраниши благодати Святаго Духа от предлежащих Даров». Да подаст Святой Дух причащающимся сих Даров отпущение грехов. Благодать сия, говорит он, да не возбранится ради моих грехов от святых Даров, ибо благодать двояким образом действует в честных Дарах: один способ её – так как они ею освящаются; другой – так как чрез них она освящает нас. Первому способу действия благодати в Дарах никакие человеческие беззакония не могут препятствовать, но так как освящение их не есть дело добродетели человеческой, то и человеческие неправды нисколько не могут ему препятствовать. Но второй требует и нашего старания, а потому и встречает препятствие в нашем нерадении. Ибо благодать освящает нас чрез Дары, если найдет нас способными к освящению; если же встретит нас неприготовленными, то и не принесет никакой пользы, и причинит бесчисленный вред. Об этой благодати – будет ли то оставление только грехов или вместе с тем и другой дар, подаваемый людям, которые с чистой совестью вкушают эту священную вечерю, – священник молится, чтобы она не была возбранена от Даров, так как она может быть возбранена человеческой порочностью. Немного спустя он совершает эту молитву и вместе со всем народом.

Испросив всем единомыслие, дабы едиными усты и едином сердцем славить Бога, и тем, которые так расположены, возвестив милости великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, вслед за тем он действительно повелевает молить Бога о том, о чем сам молился, призвав в ходатайство всех святых, ибо это значит помянуть всех святых – призывать их, помолиться им. И что же говорит? Помолимся Господу об освященных Дарах, не для того, чтобы они получили освящение, – потому и назвал их освященными, чтобы кто не подумал этого, – но чтобы они нам сообщили его, ибо это значат слова молитвы: «яко да Человеколюбец Бог, приемь я, возниспослет нам благодать». Помолимся, говорит, о Дарах, дабы они в

нас стали действовать, дабы не были бессильны к сообщению этой благодати, подобно тому, как всеильное Тело Господа в то время, как Он обращался с людьми, в некоторых городах не могло совершать чудес по причине неверия их. Когда же таким образом он возгласит это к народу, то затем и сам по себе тайно молится, умоляя Бога о людях, дабы они с чистой совестью причастились страшных Тайн и насладились этой священной трапезы в прощение согрешений, в общение Духа Святого, в наследие Царствия, не в суд или во осуждение. Затем, испросив всем от Бога помощи и охранения, повелевает молиться о том, чтобы провести весь день совершенно, свято, мирно и безгрешно, имея хранителем Ангела мирна, верного наставника, – так как есть ангел лжи, которому не безопасно вверять себя. Молимся же мы об Ангеле-хранителе не для того, чтобы он в то время нам дарован был, ибо Ангел дан каждому верующему с самого начала, но для того, чтобы он действовал и совершал свое дело, сохранял нас и наставлял на правый путь и не отступал от нас, негодую на грехи наши. Сверх того, священник заповедует просить оставления грехов и всего доброго и полезного душам нашим и мира миру, а притом и безопасности на будущее время, дабы в мире и покаянии провести остальное время жизни так, чтобы конец жизни был приличный христианам. Затем, испросив единения веры и причастия Святого Духа, повелевает предать Богу самих себя и друг друга и всю жизнь. А о том, что значит единение веры и причастие Святого Духа и для чего об этом здесь мы молимся, уже не раз и подробно сказано.

35. О Богопреданной молитве, и о преклонении глав, и о следующем за тем благодарении и прошении к Богу, и славословии

После того, как священник так наставит и отовсюду утвердит (верных) в добре, он молит Бога, чтобы они, как уже совершенные и соделавшиеся достойными Божественного сыноположения, сподобились с дерзновением молиться тою молитвою, в которой мы осмеливаемся называть Его Отцом. И, когда все вместе с ним помолятся этою молитвою, он заключает ее, возгласив в конце славословие Богу. Затем он испрашивает всем мир.

Но, напомнив им тою молитвою о высоком их рождении и назвав Бога Отцом, он потом повелевает признать Его и Господом и выразить пред Ним рабство, и приклонить Ему главы, и этим внешним видом исповедать рабство. И все приклоняют их, не только как по естеству Господу и Создателю и Богу, но и как не купленные рабы искупившему их Кровию Единородного (Сына), чрез которую Он приобрел нас Себе вдвойне рабами и в то же время соделал сынами, ибо одна и та же Кровь и усилила и увеличила наше рабство, и была причиною усыновления.

Когда же все приклонят главы, священник, воздав, сам про себя, благодарение Богу за создание всего, испрашивает всем полезного, причем воспоминает пред Ним и имя Единородного Сына, Его благодать и человеколюбие в надежде получить чрез то просимое, по Божественному обетованию Самого Спасителя, так как Он говорил: вся, елика аще просите от Отца во имя Мое, даст вам (Ин. 16: 23).

Затем, присовокупив славословие вслух предстоящего народа, славит Пресвятую Троицу и, когда народ примет участие в славословии, снова обращается к самому себе и тайно, сам про себя, молится. Молясь же, призывает Самого Христа, Жертву, Священника, Хлеб, дабы Он сам чрез него преподал Себя рабам.

О том, что священник возглашает к народу, вознося святые дары, и о том, что в ответ ему возглашает народ

Затем он намеревается сам приступить и других пригласить к трапезе; но так как не всем без различия дозволяется причащаться таинств, то и он призывает не всех, но, взяв и показав животворящий хлеб, призывает к причастию тех, которые достойны причащаться его: Святая, говорит, святым.

Он как бы так говорит: вот хлеб жизни, который вы видите; спешите же причаститься, но не все, а только те, кто свят, потому что святое дозволяется только святым.

Святыми же называет здесь не совершенных только в добродетели, но и всех тех, которые стремятся к тому совершенству, хотя еще и не достигли его. И этим ничто не препятствует освящаться чрез Причащение Святых Таин и в этом отношении быть святыми, подобно тому, как и вся Церковь называется Святою, и блаженный апостол, пиша ко всему вообще народу, говорит: братие святая, знания небесного причащницы (Евр. 3:1). Они называются святыми ради Святого, с Которым они имеют общение и Которого Тела и Крови причащаются, ибо они – члены Тела Его, плоть от плоти Его и кость от костей Его.

Итак, пока мы бываем соединены Ним и сохраняем связь, мы живем жизнью святою, извлекая чрез таинства освящение из Той главы и сердца. Когда же отделимся и отпадем от целости всесвятого Тела, тогда без пользы приемлем священные таинства, потому что жизнь не перейдет мертвым и отсеченным членам.

Что же отсекает эти члены от святого Тела? Греси ваши, сказано, разлучают между Мною и вами (Ис. 59:2).

Что же? Всякий грех делает человека мертвым? Нет, но только грех к смерти, почему он и называется грехом к смерти, так как, по словам блаженного Иоанна, есть грех и не к смерти (1Ин. 5:16).

Посему посвященным в таинства, если они не совершили таких грехов, которые отделяют от Христа и причиняют смерть, ничто не препятствует чрез Причащение таинств быть участниками освящения и на деле, и по имени, так как они еще члены живые и соединены со Главою.

Посему и на возглас священника: Святая святым верные в ответ возглашают: един свят, Господь – Иисус Христос в славу Отца, так как никто, сам от себя, не имеет освящения, и оно не дело человеческой добродетели, но все – от Него и чрез Него.

И как тогда, когда многие зеркала бывают положены на солнце, все они сияют и испускают лучи так, что кажется, будто видишь много солнц, и, однако ж, на самом деле, во всех их отражается одно солнце, так и Единый Святой, изливаясь в верных, хотя является во многих душах и показывает многих святыми, тем не менее, Один только свят, и притом свят в славу Отца. Ибо Бога никто не прославил приличною Ему славою, почему Он и говорил, укоряя иудеев: если Я бог, то где слава Моя? Но Один Единородный воздал Ему подобающую славу, отчего и говорил, приближаясь к страданию: Аз прославих Тя на земли (Ин. 17:4).

Как же Он прославил? Не иначе, как показав людям Его освящение, – явившись святым, как свят Сам Отец. Ибо представим ли мы Бога Отцом Сего Святого, – светлость Сына есть слава Отца; или предстанем Богом по человечеству (Спасителя), – достоинство или добродетель создания есть, конечно, слава Создателя.

Что означает теплая вода, вливаемая в Тайны

Созвав таким образом верных к священной вечери, иерей сам первый причащается ей, вместе со всеми имеющими одинаковую с ним степень и со всеми служащими алтарю; но наперед вливает в потир теплую воду для означения сошествия Святого Духа на Церковь.

Тогда Дух нисшел по окончании домостроительства Спасителя, а теперь нисходит по принесении жертвы и по освящении даров на тех, кто достойно причащается их.

Так как в священном таинстве Евхаристии все домостроительство Христово изображается на хлебе, как на доске, ибо мы как бы в образе созерцаем Христа и младенцем, и ведомым на смерть, и распинаемым, и в ребро прободаемым, а потом видим и самый этот хлеб проложенным в то всесвятое Тело, которое действительно все сие потерпело и воскресло, и вознеслось, и сидит одесную Отца, то надлежало, чтобы после всего этого означена была и цель, для которой все сие сделано, дабы всецелое было совершение таинства, чрез приложение конца ко всему делу домостроительства нашего спасения.

Ибо какой плод и конец Христовых страданий, учения и дел? Если рассматривать их по отношению к нам, то не иной, как сошествие Святого Духа на Церковь.

Посему после того надлежало означить и это (сошествие). И оно действительно означается вливанием теплой воды в Тайны, ибо эта вода, будучи в то же время и водою, и причастною огня, означает Духа Святого, Который называется и водою (Ин. 7:38), и как огонь явился в то время, когда нисшел на учеников Христовых. И это время (когда вливается вода) означает то время, ибо тогда Дух нисшел по исполнении всего, относящегося к Христу, и теперь эта вода вливается по совершении даров.

А Тайны означают и Церковь, т. к. оно есть тело Христово и уди отчасти (1Кор. 12:27). Тогда она прияла Духа Святого по вознесении Христа на небо, а ныне приемлет дар Святого Духа по восприятии даров в пренебесный жертвенник, т.к. восприявший их Бог взамен их, как сказано выше, ниспосылает Его нам, ибо один и тот же Ходатай и тогда, и ныне, и один и тот же Дух.

О том, каким образом Тайны означают Церковь

А Церковь указывается Тайнами не как символами, но как сердцем указуются члены, как корнем дерева – отрасли и, как сказал Господь, как виноградную лозою – ветви, ибо здесь не одинаковость только имени и не сходство подобия, но тождество дела, так как Тайны суть Тело и Кровь Христа.

Для Церкви Христовой они – истинная пища и питье, и, причащаясь их, она не превращает их в человеческое тело, как какую-нибудь другую пищу, но сама превращается в них, потому что лучшее пересиливает худшее.

Так и железо, сообщившись с огнем, само становится огнем, а не огонь делает железом.

И как в раскаленном железе мы обыкновенно видим не железо, но огонь, оттого, что свойства железа совершенно закрываются огнем, так если бы кто мог увидеть и Церковь Христову в том самом виде, как она соединена со Христом и участвует в плоти Его, то увидел бы ее не чем другим, как только Телом Господним.

По этой-то причине Павел пишет: вы есте тело Христово и уди отчасти (1Кор. 12:27). Не для того, чтобы означить попечения Христа о нас, Его пестунство и руководство и наше Ему подчинение, Павел назвал Его Главою, а нас – телом, подобно тому, как и мы, выражаясь усиленно, называем родных или друзей сынами, но для выражения именно того, что говорил, именно – что верные чрез сию кровь уже живут жизнью во Христе, истинно соединены с тою Главою и облечены сим Телом.

Посему нет ничего неестественного в том, что здесь Тайнами означает Церковь.

О приглашение верных к Причащению и о том, что возглашают верные при явлении даров

Когда священник причастится святыни, он обращается к народу и, показав святые (дары), зовет желающих причаститься и повелевает приступить со страхом Божиим и верою, дабы они не пренебрегали (таинством) ради того, что мы видим нем, и не сомневались в нем потому, что то, во что веруем, превосходит наше разумение, но, сознавая достоинство святых даров, – так как они доставляют участникам жизнь вечную, – с верою приступали к ним.

А верные, выражая благоговение и веру, и покланяются, и благословляют, и прославляют, как Бога, Иисуса, Которого представляют в дарах, и, чтобы сделать славословие торжественнее, составляют его из пророческих слов: Благословен Грядый во имя Господне! Бог Господь, и явился нам.

Я пришел, говорит (Господь), во имя Отца Моего, и не приемлете Меня; если кто придет в свое имя, того приемлете. Прославлять Отца – вот знак истинного Владыки, вот знак Единородного; а самомнение и отступление (от Отца) – знак беглого раба.

Зная это и разумея отличие доброго пастыря от волка, пророк издревле благословляет Грядущего во имя Господа, называя Господом Отца, и в то же время Самого явившегося именует Богом.

Этими же словами благословляют и верные ныне грядущего и являющегося им Христа.

О молитве, которую возглашает священник о верных после их Причащения

Потом причастникам Таин священник испрашивает у Бога спасения и благословения.

Какою же молитвою? Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое. И это слова пророка (Пс. 27:9).

Подобным образом тот же пророк говорит и в другом месте от лица Бога к Сыну: дам Ти языки достояние Твое, и одержание Твое концы земли (Пс. 2:8). Ибо что Сын, как Бог, имеет от начала, то, как человек, наследовал впоследствии.

Почему же, – когда Он есть и Создатель наш, – священник не говорит: благослови дела Твои, которых Ты Сам Творец, но: достояние Твое? Дабы лучше умолить Его чрез напоминание о той нищете, которою Он из-за нас обнищал. О тех, говорит, молю, из-за которых Ты потерпел быть в числе рабов, и принять заповедь, и стоять наряду с приемлющими, между тем как Ты все имеешь, и назваться наследником, тогда как ничего нельзя прибавить к Твоему владению.

С другой стороны, напоминание о более совершенном присвоении нас Богом сильнее располагает Его к милосердию. А присвоение по наследию гораздо совершеннее, чем присвоение по созданию, и (Господь) гораздо лучше стяжал нас по наследию, чем прежде имел по созданию. По созданию Он владел только естеством человеческим, а по наследию соделался Владыкою разума и воли, что и составляет истинное господство над людьми, а то общо нам с существами бессловесными и неодушевленными, так как по естеству все подвластно Богу, как создание – Создателю. Как же по наследию соделался Он Владыкою разума и воли? Это потому, что, когда Он нисшел на землю и был распят и воскрес, мы покорили Ему свой разум и волю: разум, так как признали Его истинным Богом и Создателем всей твари, волю, так как возлюбили Его и Его владычество и с радостью донесли на раменах иго Его.

Так совершенно Бог приял человеков, так истинно стяжал их! Этого стяжания издревле желал пророк Исаия и потому говорил: Господи Боже наш, стяжи нас (Ис. 26:13). Это достояние, о котором говорится, что его приял Единородный от Отца.

Такова-то эта молитва.

О следующем затем благодарении и славословии

Здесь заключается все священнодействие и оканчивается таинство Божественной Евхаристии, ибо теперь дары уже освящены и освятили иерея и весь священный лик, а чрез них совершили и освятили и остальное собрание Церкви. Посему и сам священник, и окружающие его верные обращаются теперь к благодарению и славословию Бога.

Священник говорит: благословен Бог всегда, ныне и присно, и во веки веков, аминь, а народ поет хвалебную песнь, заимствуя ее из слов пророческих: да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи, яко да воспоем славу Твою (Пс. 70:8). Не можем мы, Господи, говорят (верные), даже и песнь принести Тебе за те блага, которых Ты нас сподобил, но Ты даруй и это. Каким образом? Исполнив уста наши хвалы. Как даешь Ты молитву молящимся, дабы мы знали, о чем и как нужно просить, так и для прославления Твоего даруй силу устам нашим.

Затем – просят о том, чтобы при содействии Его помощи сохранить в целости освящение, которое они приняли, и не изменить благодати и не погубить дара. Сохрани нас в Твоей святости – нас, что делающих? (Ибо нужно и с нашей стороны содействие): весь день поучающихся правде Твоей. Правдою (здесь) называют созерцаемую в молитвах премудрость и человеколюбие Божие, как это объяснил Павел: не стыжусь, говорит он, благовествования Божия, ибо в нем открывается правда Божия во всех и на всех верующих (Рим. 3:22). Размышление об этой правде может сохранить в нас освящение, ибо оно и веру в Бога умножает, и любовь возжигает, и не позволяет ничему худому войти в душу. Следовательно, не напрасно мы выше сказали, что без соответствующих таинств помыслов невозможно быть и пребывать в нас освящению.

Об усопших, именно о том, освящаются ли они от даров трапезы, подобно живым

Необходимо сверх сказанного исследовать и это.

Известно, что Божественное и священное таинство освящает двояким образом: во-первых, чрез ходатайство, так как приносимые дары тех самым, что приносятся, освящают приносящих и тех, за кого приносят, и умиляют в отношении к ним Бога; во-вторых, чрез Причащение, потому что они бывают для нас истинною, по слову Господа, пищею и питием.

Из этих способов первый общ и живым, и умершим, ибо и за тех, и за других жертва приносится; а второй доступен одним живым, потому что мертвые не могут уже есть и пить.

Что же? Поэтому умершие и не освящаются этим освящением от Причащения и в этом отношении имеют менее живых? Нет, ибо и им Христос преподает Самого Себя так, как Сам знает. А чтобы это было видно, рассмотрим, от чего зависит освящение и не имеют ли того и души умерших, подобно живым.

От чего же зависит освящение: от того ли, что мы имеем тело, что приходим ногами к трапезе, что берем руками святые (дары), что принимаем их устами, что едим и пьем?

Нет, ибо многие, у которых все это было и которые таким образом приступали к таинствам, не получили от того никакой пользы и отошли, подвергшись большему злу.

Так что же бывает причиною освящения для освящаемых? И чего требует от нас Христос? Это – чистота души, любовь к Богу, вера, желание таинства, ревность к Причащению, горячее усердие и то, чтобы мы приходили с жаждою.

Вот чем приобретается это освящение и что необходимо иметь тем, которые приходят соделаться участниками Христа, без чего невозможно (освящение).

Но все это не относится до тела, а зависит от одной души. Следовательно, ничто не препятствует, чтобы и души умерших могли иметь это, подобно живым.

Посему, если души имеют готовность и расположенность к таинству, а Господь, Который освятил и совершил (его), всегда желает освящать и хочет всякий раз преподавать Самого Себя, то что может воспрепятствовать приобщению? Очевидно, ничто. В таком случае, скажет

кто-нибудь, если кто и из живых будет иметь в душе те добрые качества, о которых мы сказали, то хотя бы и не приступал к таинствам, тем не менее, получит от них освящение? Не всякий, но только тот, кто, подобно душам умерших, не может приступит к ним телесно, каковы были скитавшиеся в пустынях, в горах, вертепах и расселинах земных, которым невозможно было видеть жертвенник и священника. Этих людей Сам Христос, очевидно, освящал сим освящением. Из чего это видно? Из того, что они имели жизнь в себе, а они не имели бы, если бы не приобщались сего таинства, ибо Сам Христос сказал: аще не снете плоти Сына человеческого и не пиете крови Его, живота не имате в себе (Ин. 6:53), и в ознаменование этого ко многим из сих святых посылал ангелов с дарами.

Если же кто может, но не станет приступать к трапезе, тому совершенно невозможно получить освящение, не потому, что он просто не приступает, но потому, что может, но не приступает и чрез то показывает, что в его душе нет тех добрых качеств, какие нужны для таинств.

Какое, в самом деле, усердие и желание приступать к трапезе у того, кто легко может приступит к ней и не хочет? Какая вера в Бога у того, кто не боится содержащейся в словах Господа угрозы всем, презирающим эту вечерю? И как можно поверить любви того, кто, имея возможность взять, не берет?

Почему нет ничего необыкновенного в том, что Христос отрешившимся от тела душам, которых не мог обвинить ни в одном из подобных недостатков, преподает эту трапезу.

Необыкновенно и чудно то, что человек тленный яст тело нетленное, а что душа – существо бессмертное – приобщается соответственнейшим ей образом того, что бессмертно. Что в этом удивительного? Если же (Господь) по неизреченному человеколюбию и по непостижимой премудрости нашел, как осуществить то, что необыкновенно и чудно, то как не поверить, что Он совершает то, что вероятно и естественно?

О том, что освящение главным образом сообщается душе причащающегося

Ведь и у тех, которые живут еще в теле, дар, хотя сообщается чрез тело, но первоначально входит в существо души и чрез душу переходит на тело. Вот на это и указывает блаженный апостол, когда говорит: прилепляйся Господеву един дух есть (1Кор. 6:17), так как главным образом в душе бывает это единение и сопряжение. Ибо там собственно человек; там и освящение от добродетелей и от человеческого старания; там и то, что грешит и что имеет нужду в исцелении дарами.

Что же касается тела, то в нем все бывает от души. И как от злых помыслов, исходящих от сердца, оскверняется оно, так оттуда же и освящение ему, освящение как от добродетели, так и от таинств. А иногда случаются и телесные болезни, которых причина заключается в злонравии души. Чтобы показать это, Спаситель восставил тело от болезни тем, что исцелил душу больного, то есть разрешил ее от грехов.

Итак, если даже и для принятия освящения душа не нуждается в теле, а, напротив, тело – в душе, то какое преимущество от таинства имеют души, соединенные с телом, в сравнении с теми, которые освободились от него? То, что они видят священника и от него приемлют дары? Но и те имеют вечного Иерея, Который бывает для них всем этим. Который преподает причастие и из живых тем, кто истинно приемлет. Ибо не все, кому преподает священник, истинно причащаются, но, несомненно, одни те, кому подает Сам Христос. Священник преподает всем, вообще приступающим, а Христос – достойным причастия.

Отсюда явно, что совершающий души таинством и освящающий и живых, и умерших есть Один только Сам Спаситель.

А из всего сказанного становится очевидным, что все, что только относится к этому священному действию, общо и живым и умершим, ибо и то, что бывает причиною освящения, заключааясь в добрых качествах души, свойственно и тем, и другим, и то, чем главным образом и собственно приемлется освящение, (у них) одно и то же, и освящающий иерей один и тот же.

Одного только, что есть у живущих в теле, нет у отшедших, именно того, что (между живыми) есть и недостойные.

Такие, по-видимому, освящаются, так как приемлют устами дары, а там невозможно и приступить тому, кто не приготовлено одним достойным предоставляется приобщение.

Но это и не прибавляет ничего к освящению живых, а, напротив, подвергает крайнему наказанию и потому далеко не составляет преимущества живых.

Сверх того, и из следующего соображения становится очевидным, что для тех душ не только возможно и беспрепятственно, но и необходимо нужно Причащение святых даров. Если бы и другое что доставляло тем душам радость и покой, то это было бы для достойных наградою за непорочность, и им не была бы необходимо нужна сия трапеза.

Но между тем всякое наслаждение и блаженство – назовем ли мы рай, или лоно Авраама, или место, свободное от всякой скорби и болезни, место светлое, злачное и прохладное, или самое царство – (все это) доставляет находящимся там не другое что, как сия чаша и сей хлеб. Ибо это – (наш) Ходатай и Предтеча за нас во святая, Который один приводит к Отцу, один – Солнце душ, Который ныне так является и сообщает Себя, как Сам восхотел, узником плоти, а тогда узрится и даст Себя в причастие без покровов, когда узрим Его, как говорит (Писание), якоже есть (1Кор. 13:12), когда соберет (праведников), как труп собирает орлов, когда препояшется и заставит возлечь их, придет и послужит им, когда воссияет на облаках, и чрез Него просияют праведники, как солнце.

Кто не соединен с Ним, как обыкновенно соединяет (святая) трапеза, тем совершенно невозможно достигнуть покоя или получить какое-либо благо – великое или малое.

О ходатайстве Христа

Он есть Ходатай, чрез Которого все блага нам дарованы от Бога, или лучше, всегда даруются. Ибо не однажды только Он за нас ходатайствовал и не отступил после того, как предоставил нам все, о чем ходатайствовал, но всегда ходатайствует; не словами и прошениями, как поступают обыкновенные ходатаи, но делом.

Какое же это дело? То, что Он соединяет (нас) с Самим Собою и чрез Себя сообщает Свою благодать каждому по его достоинству и по мере чистоты. И как свет чрез себя доставляет возможность видеть видящим, и те, у кого не будет света, не будут и видеть, так и душам необходимо быть в постоянном общении со Христом, если они хотят вполне жить и покоиться. Ибо и глаз без света не может видеть, и душам без Христа невозможно иметь истинную жизнь и мир, так как Он один примиряет с Богом, производит тот мир, без которого нет истинной надежды врагам Божиим участвовать в каких-либо благах Божиих.

Следовательно, кто или сначала не соединился со Христом, или, соединившись, не пребыл в единении, тот еще враг (Божий) и чужд Божественных благ.

Ибо что примирило Бога с естеством человеческим? Конечно, то, что Он увидел Своего Возлюбленного Сына человеком.

Так, Он примиряется и с каждым человеком, который облачается во образ Единородного, носит тело Его и является единым духом с Ним. А без этого каждый сам по себе есть человек ветхий, ненавистный Богу, не имеющий ничего с Ним общего.

Посему, если надобно веровать, что души получают покой от молитв священников и от приношения святых даров, то наперед нужно верить и тому, что это бывает тем именно способом, каким одним возможно человеку получить покой. А какой это способ, уже сказано: это – примириться с Богом и не быть Его врагом.

Как же это сделать? Нужно соединиться с Богом и соделаться единым духом с Возлюбленным; о Котором Одном благоволил Отец. А это дело святой трапезы, которая, как видно из сказанного, обща равно и живым, и умершим.

О том, что освящение усопших совершенное

Впрочем, по отношению к освящению души, свободные от тела имеют некоторое преимущество пред живущими в теле.

Именно они очищаются и получают оставление грехов, по молитвам священников и по ходатайству даров, ничуть не меньше живых, но они нисколько не грешат и не прилагают новых преступлений к прежним, как бывает с большею частью живых, а только или совсем освобождаются от всякой виновности, или, по крайней мере, постоянно уменьшают тяжесть грехов и, таким образом, к Причащению Спасителя бывают готовее и способнее не только большей части живущих в теле, но и самих себя, если бы были в теле.

Да уже и то одно, что они свободны от тела, делает их гораздо способнее к Причащению таинств, чем, сколько возможно было, когда они были облечены телом.

Так как на небе много различных обителей, дабы всякая мера добродетели была награждена и ничто не осталось без возмездия от праведного и человеколюбивого Судии, то, как достойные величайших наград, и совершенные, и наследники полного блаженства, например, Павел и подобные ему, чище наслаждаются этим блаженством, когда разрешились от тела, чем когда находились в настоящей жизни, так и тем, которым предназначен обыкновенный покой, естественно, лучше наслаждаться им по отшествии отсюда, чем при жизни в теле.

А уже показано, что всякий покой душ и всякая награда за добродетель – и великая и малая – есть не что иное, как сей хлеб и сия чаша, которых равно причащается и род живых, и род мертвых, каждый соответственным себе способом. Потому-то Господь наслаждение святых в будущем веке назвал вечерею, дабы показать, что там нет ничего более сей трапезы.

Таким образом, Божественное священнодействие Евхаристии бывает и об отшедших так же, как и о живых.

И как эти последние освящаются, как сказано, двояким образом, так двояким же образом освящаются и те, и переселившиеся имеют в этом отношении ничуть не меньше живых, но некоторым образом даже больше.

О том, каким образом сии дары всегда бывают приемлемы Богом

Теперь по порядку и это рассмотрим.

Что от сего таинства освящаются все верные, – это видно из сказанного; но всегда ли это стоит исследовать?

Так как это священнодействие есть приношение даров, а дары не всегда бывают приемлемы Богом, но иногда, по злобе приносящих, бывают и ненавистны и отвергаются, как на это есть много доказательств и у древних, и у живущих под благодатию, то исследуем, не случается ли иногда, что и эти дары напрасно священнодействуются, потому что не освящаются по обетованию таинства, как дары, не угодные Богу, так как не всегда приносятся людьми добрыми, но иногда и злыми.

А что Бог отвращается и этих даров, когда приносящий нечестив, видно из того, что так поступает Церковь. За кем она знает грехи смертные, тем не дозволяет приносить сих даров и, если они осмелятся (принести), не принимает и отгоняет их вместе с дарами.

Но как не всех таких хорошо знает Церковь, но многие неизвестны ей и дары их приемлет Божественная трапеза, то что нужно думать об этих дарах? Ужели Бог не приемлет их, и они бывают чужды всякого освящения?

Но если с этим согласиться, то становится неизвестным, когда дары бывают святы, так как свойства приносящих большею частию для нас сомнительны или совсем неизвестны, и, в таком случае, верные, сомневаясь и приступая к таинствам без веры, по необходимости, не получают от них никакой пользы.

Что же нужно сказать на это? То, что приношение даров бывает двоякое: одно от того, кто от себя приносит их в руки священников, другое от Церкви Богу.

Первое приношение, когда приносящий порочен, суетно и не приносит никакой пользы приносящему, потому что он порочен, ибо приносимые дары не сами по себе мерзки пред Богом, так как всякое создание Божие хорошо.

А второму приношению, бывающему от людей добрых, ради славы Божией и святых, ради спасения вселенной и ради всякого вообще справедливого прощения, ничто не препятствует быть благоприятным.

Никакая скверна не переходит на дары от рук того, кто вначале принес их, но они остаются чистыми и, будучи возносимы людьми

чистыми, и освящаются, и освящают приступающих. Ибо ни в чем неразумном или неодоушевленном не может заключаться какая-либо нечистота греха: грех есть болезнь свободы, и одним лишь существам разумным свойственно оскверняться грехом.

Что же? Если всегда чисты дары, приносимые людьми порочными, то почему закон Церкви не принимает их? Для того, чтобы вразумить приносящих, дабы они знали, какой великий гнев Божий грозит им, если Господь отвращается и ненавидит и Свои создания, которые ни в чем не виновны и, зная это, убоялись и исправили свою жизнь. Самые же дары не подвергаются осуждению ни в каком недостатке, и потому ничто не препятствует, чтобы они были приняты и освящались, когда второе приношение совершается людьми добрыми.

Но ведь не все, скажет кто-нибудь, приносящие священники – люди добрые, но некоторые страдают и болезни крайней порочности, а это опять приводит нас к прежнему недоумению.

Ибо когда случится, что те и другие приносители ненавистны Богу (а это случается), то откуда явится в дарах возможность быть приятными и угодными Богу, и святыми, и освящающими? Ниоткуда. Напротив, тогда они подлинно неуютны, Во всяком же случае, о них бывает сомнение, потому что мы не уверены в свойствах людей, которые их приносят и священнодействуют. Никто, говорит Писание, с несомненностью не знает того, что в человеке, кроме живущего в нем духа.

Таким образом, неверия и сомнения касательно таинства – много, а уверенности – никакой, и Причащение святых даров не принесет верным никакой пользы, потому что они причащаются без веры.

Так, пожалуй, скажет и будет недоумевать тот, кто думает, что сам священник есть властелин приношения сих даров.

Но это несправедливо: напротив, чем, собственно, совершается приношение их – это есть освящающая благодать, так как они тогда бывают принесены, когда освящены. А тот, кто всякий раз священнодействует, есть служитель этой благодати. Ибо он ничего не привносит от себя и не имеет что-либо сделать или сказать по своему суду и размышлению, но только то, что приял, будет ли то дело или слово, или действие, воздает Богу, принося так, как ему заповедано.

И, таким образом, дары, будучи всегда приносимы так, как угодно Богу, естественно, бывают приятны Ему, и всегда Им приемлются. Ибо что за важность в том, что приносящий сам по себе порочен? Ведь его порочность ничего не прилагает к дарам и не делает приношение худшим, точно так же как и лекарству не мешает быть спасительным то, что его

составил человек простой и нисколько не знакомый с врачебным искусством, если только он составил его так, как приказал врач, и из всех тех снадобий, которые тот дал ему. Лекарство не сделается бездейственным от незнания потрудившегося над его составлением, но будет целительно по искусству сообщившего состав его, ибо от незнания служителя оно ничего не приняло, а от искусства врача получило весь свой состав.

Так и здесь: все совершает благодать, священник есть только служитель, имеющий и самое служительство не от себя, потому что и это у него от благодати; священство – это только служебная сила для священнодействий.

Таким образом, из сказанного видно, что сии дары освящают всех верных и всегда, т. к. всегда приемлются Богом.

О том, к какой мере приемлются

Теперь следует рассмотреть и то, в какой мере они приемлются.

Что же значит и у людей выражение, употребляемое о даре: приемлется? Что люди делают с дарами, когда говорится, что они приемлют их? Ужели так говорится потому, что мы берем их руками и кладем за пазуху? Нет, ибо есть многое, чего тем, которые получают, нельзя ни пить, ни взять; например, если даруемое будет поле или дом, или что-нибудь подобное. Так что же бы значило выражение: принимать по отношению ко всем дарам? Признание своею собственностью, усвоение себе, – вот что называется принятием. А Бог так усваивает Себе сии дары, что делает их Телом и Кровью Единородного. Если же нельзя и представить себе ничего, равного такому усвоению, то невозможно и определить, в какой мере (сии дары) приемлются.

Кроме того, и из воздаяния бывает видно, как приемлется дар тем, кто принял его. Какое же здесь воздаяние? Опять самое Тело Христа и Кровь, ибо, принимая от нас хлеб и вино, Бог воздает нам Самого Сына.

Но откуда, скажешь, видно, что Бог дает нам это как дар вместо приносимых Ему даров? Из того, что Сам, облеченный в это, говорит, обращаясь к нам: примите. Это указывает на дар. Этим словом означает и дарующий, и приемлющий, и даруемое.

Можно что-нибудь получить и иначе, как залог, которым нельзя пользоваться получившему. Но, чтобы ты не подумал этого, а знал, что (даруемое) тебе принадлежит, (Господь) повелел и пользоваться им, говоря: ядите.

Так-то и в такой высокой мере угодны Богу сии дары. Поэтому они всегда освящают души всех христиан, и живых, и умерших, души несовершеннолетние, которые еще нуждаются в освящении. Ибо совершенные святые, стоящие с ангелами и уже причисленные к небесной иерархии, более не нуждаются в иерархии земной.

О том, в каком смысле мы и святых чтим сими дарами

Вслед за тем (что нами сказано), естественно исследовать это. В самом деле, если сии святые дары посвящаются Богу, а освящают имеющих нужду в освящении, то для чего и тех, которые уже освящены и вполне совершенны, мы, по нашей вере, чтим этим дароприношением и когда, прося о чем-либо, призываем их на помощь, обещаем служение сих даров, как будто бы хотим или им принести дары или за них, дабы они сделались совершеннее? Это потому, что есть и другой способ сего дароприношения, отличный от того, о котором я сказал прежде, по которому дары сии бывают и дарами святых, когда они приносятся Богу, как дары благодарственные за ту славу, которою Он прославил их, и за то совершенство, которого их сподобил. Ибо хотя они – дары Божии, так как Богу посвящаются, но бывают и дарами нуждающихся в помощи верных, потому что помогают им, и дарами святых, потому что ради их посвящаются Богу.

Что дается ради меня, то, кем бы ни было принято, получаю я, ибо не все, что кем-либо дается нам, мы принимаем своими руками, но и руками друзей, и своих домашних, и вообще всех тех, кому дарящий дарит, чтобы доставить удовольствие нам.

Посему и Господь, несмотря на то, что подающие принимают бедные, говорит, что Он Сам принимает, так как подающие подают ради Его.

Так и святые принимают сии дары, потому что ради них дары посвящаются Богу, ибо, как из любви ко Христу бывает то, так и из любви ко святым – это.

Действительно, так как мы очень любим их, то их блага считаем своими и радуемся вместе с ними их благополучию, так, как бы и сами участвовали в тех благах. А радуясь так о дарах, которые подаются им от Господа, мы благодарим Давшего и приносим Ему благодарственные дары.

Но не потому только святые приемлют дары, что из любви к ним бывает дароприношение, но и потому, что для них крайне приятно и усладительно то самое, что чрез них Бог приемлет благодарение и прославляется.

Ибо как величайший грех людей порочных состоит в том, что чрез них имя Божие хулится, так великую добродетель святых, добродетель крайне возделенную для них, составляет то, что чрез них Бог прославляется. Это было непрерывным их подвигом и при жизни в теле; в

этом и по преселении на небо – постоянное их занятие, и наслаждение, и верх того блаженства.

Если в то время, когда они только надеялись получить блага, они непрестанно о всем благодарили Бога и все делали во славу Божию, то какими, нужно думать, сделались они в этом отношении тогда, когда, с одной стороны, признательность их несравненно больше, потому что они сделались совершенными во всякой добродетели, а с другой – они уже не надеются только получить блага, но на самом деле испытывают щедрость Господа, когда видят, из чего и чем они сделались: из существ перстных – солнцами, из рабов презренных – сынами достопочтенными и наследниками Царства Небесного, из виновных – могущими и других избавлять от вины своим дерзновением пред Судиею?

Поэтому и никогда не могут они насытиться прославлением Бога, и не считают себя одних довольными для благодарения, но хотят иметь себе споспешниками в этом прославлении всех – и ангелов, и человеков, дабы, чрез умножение числа славословящих, тем лучше уплатить свой долг – благодарность Богу.

Свидетели этому Азария и бывшие с ним святые отроки, которые победили силу огня, получив от Бога эту благодать. Когда им нужно было за свое чудное спасение воздать благодарность Спасителю и прославить Его, они не удовольствовались тем, чтобы самим только прославить Его, и не сочли своего голоса достаточным, но призывали (к славословию) вместе с собою и ангелов, и все роды людей, и самое небо, и солнце, и звезды, и землю, на горы, и все неразумные и неодоушевленные существа, и вообще всю тварь. Так велико у святых желание прославлять Бога и тогда, когда они живут еще в теле, и еще гораздо большее – по освобождении от тела.

Посему если кто, вспомнив о них и об их чести, и блаженстве, и славе, будет прославлять увенчавшего их Бога, тот доставит им радость выше всех радостей, и особенно если будет прославлять не одними только словами, но и приношением благодарственных даров, – тех даров, которые так угодны Богу и ценятся ценою самою высокою. В этом случае, как Сам Спаситель, милости на приемля сии дары и ценя их выше всякого законного служения, взамен дает нам Свое Тело и Кровь, так и святые, радуясь о тех дарах, которыми мы думаем почитать их, как не радуются ни о чем другом, вполне отдают себя на служение нам во всем том, что полезно нам, так как во всем подражают своему Владыке.

Против тех, которые говорят, что бывающее на литургии воспоминание святых есть священническая за них молитва Богу

Но здесь некоторые впали в заблуждение, почитая воспоминание святых не благодарением, но молитвою за них Богу.

Не знаю, что им подало повод к такому образу мыслей, потому что думать так несообразно ни с самым делом, ни с словами священнодействия. И что действительно существо дела далеко не допускает этого, видно из следующего.

Если Церковь молится за святых, то, конечно, молится так же, как обыкновенно молится везде. Чего же она испрашивает усопшим? Оставления грехов, наследия Царства, упокоения в лоне Авраама вместе с достигшими совершенства святыми. Вот молитва Церкви, кроме этого не найдешь ничего, чего бы она испрашивала преставившимся.

Этим ограничивается наша ходатайственная молитва Богу, ибо не обо всем, чего бы только кто ни пожелал, можно и молиться, но и здесь есть закон и предел, которого нельзя преступать. О чесом бо помолимся, говорит (апостол), якоже подобает, не вемы, но Сам Дух ходатайствует о нас (Рим. 8:26), то есть, как предали учителя Церкви, научает нас, о чем должно молиться.

Итак, рассмотри, есть ли во всех священнодействиях и священнословиях что-нибудь сверх сказанного, о чем бы молилась Церковь, и не найдешь ничего.

Следовательно, (молясь за святых, священники) будут испрашивать неповинным отпущения грехов, как будто бы они были еще виновны и подлежали суду; будут испрашивать святым, как еще не освященным, упокоения со святыми; будут испрашивать совершения совершенным, как еще не достигшим совершенства.

А таким образом они по необходимости погрешают в одном из двух: или, признавая блаженство и совершенство святых, они добровольно хотят пустословить пред Богом и сплетать напрасную о них молитву, что скорее свойственно людям, смеющимся над предметами божественными, чем священникам; или, совершая молитвы серьезно, с мыслью принести чрез них пользу святым, они отвергают славу святых, а это значит хулить не только их, но и Самого Бога, как будто не исполнившего обетований, так как Он обещал прославить их и даровать им Царство.

Лучше же сказать – и то, и другое есть явная хула: одно потому, что совершенно отвергают блаженство святых, а другое потому, что поступают так, как отвергающие, ибо кого признают блаженными, как причисленных к части сынов, и как наследников самого Царства, тех самых чрез то, что хотят подобным образом молиться за них, явно ставят наравне с не заслужившими награды, с не удостоенными чести и с виновными.

Так то по самому существу дела оказывается нелепым, если кто думает, что бывающее от Церкви приношение Бога за святых есть приношение ходатайственное.

Теперь посмотрим и на самые слова. Еще приносим Ти словесную сию службу о иже в вере почивших праотцах, патриарсах, пророках, апостолах, проповедницах, евангелистах, мученицах, исповедницах, воздержницах, и о всяком душе, в вере скончавшемся; изрядно о Пресвятей, Пречистой, Преблагословенней, Славней Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии; о святом Иоанне пророке, Крестителе и Предтече, о святых и всехвальных апостолах, и о всех святых, их же молитвами посети нас, Боже. И помяни всех усопших в надежде воскресения и жизни вечныя. В этих словах не содержится никакой молитвы Богу о святых, и священник не испрашивает им ничего, о чем обыкновенно молится.

Поминая других усопших – верных, он тотчас присовокупляет молитву за них; упокой их, говорит, идеже присещает свет Лица Твоего; а по отношению ко святым поступает совсем иначе. Не за них он ходатайствует, а, напротив, их поставляет ходатаями, ибо, назвав и перечислив святых, присовокупляет: их же молитвами посети нас, Боже.

Но что особенно показывает, что в этих словах заключается не моление и молитва, но благодарение за святых, это то, что здесь, в списке святых, помещается и Божия Матерь, а Она не была бы помещена, если бы этот лик имел нужду в каком-либо ходатайстве, потому что Она выше всякого ходатайства не только иерархии человеческой, но и ангельской, как несравненно Святейшая и самих горних умов.

Но ведь Христос, скажешь, совершает это священнодействие, что же удивительного, если Он и ходатайствует и о святых, и о Самой Матери? Но для этого нет никакого основания, потому что не таков способ ходатайства Христа. Христос соделался ходатаем Бога и человеков, но не чрез какие-либо слова и молитвы, а чрез Самого Себя, так как, будучи Богом и соделавшись человеком, соединил Бога с человеками, поставив Самого Себя в предел, где входят в общение то и другое естество (Божеское и человеческое). Думать же о Нем, что Он непрестанно

ходатайствует чрез молитвы священнодействия, – это всевозможная хула и нелепость.

В самом деле, хотя Он Сам совершает священнодействие, но не все, что там бывает и говорится, следует приписывать Ему.

Что составляет сущность и цель тайноводства, то есть освящение даров и освящение верных, то совершает Он один, а молитвы об этом, и прошения, и моления – дело священника. Ибо то свойственно Владыке, а это – рабу, Один молится, а другой исполняет молитвы; Спаситель дарует, а священник благодарит за дарованное; священник приносит, а Спаситель приемлет дары. Приносит, конечно, и Господь, но – Самого Себя Отцу и эти дары, когда они становятся Им Самим, когда преложены в Его Тело и Кровь. И как Он Самого Себя приносит, поэтому говорится, что Он есть и приносяй, и приносимый, и приемляй: приносяй и приемляй – как Бог, а приносимый – как человек. А пока дары бывают хлебом и вином, приносит их священник, а приемлет Господь.

Каким же образом Господь приемлет дары? Освящая их, предлагая в Свое Тело и Кровь, ибо принимать – значит, как сказано выше, усвоить себе.

Вот каким образом Христос совершает это священнодействие! Вот то, что доставляет Ему священство!

Если же кто, сверх сказанного, и молитвы тайноводства, или все, или некоторые, будет считать словами Христа, то он поэтому ничем не будет отличаться от нечестивцев, которые дерзнули умалять славу Его. Прочитай все молитвы – и увидишь, что в них все слова – слова рабов. Прочитай и ту молитву, в которой (священник) вспоминает святых и которую дерзают приписывать Христу, и найдешь, что в ней ничто не прилично равночестному с Отцом Сыну, но все свойственно рабам. И, во-первых, она есть благодарение не от имени одного лица, но от всего рода (человеческого), и благодарящие благодарят в ней, как согрешившие и не презренные человеколюбием Божиим. Далее, это благодарение относится не к одному Отцу, но и к Сыну, и к Духу Святому, и благодарящие вспоминают здесь Божию Матерь, как рабы – Владычицу, а молитвами Ее и святых испрашивают себе Божия посещения и промышления.

А это какое имеет отношение к Единому Господу, Сыну Божию Единородному, Безгрешному, Владыке всяческих? Благодарим Тебя, говорится в молитве, и Сына Твоего Единородного. Следовательно, Христос благодарит Сына Божия Единородного? В таком случае явятся два сына, согласно с безумным учением Нестория.

Так нечестиво и несмысленно признавать здесь Христа

ходатайствующим за святых и усвоить Ему такого рода ходатайство и заступничество.

Между тем показано, что это даже и не ходатайство священников.

Остается, значит, допустить, что эти слова составляют не моление, но благодарение. Так, скажешь, но речь не допускает этого: она ясно дает разуметь моление, потому что предлог *улер* (о, за) именно это означает. Не непременно, потому что не везде указывает на того, кто просит.

Мы употребляем это выражение не только тогда, когда умоляем, но и тогда, когда благодарим. Это видно из многих мест и даже из самой настоящей молитвы. «О (*улер*) сих всех, говорится в ней, благодарим Тя, и Единородного Твоего Сына, и Духа Твоего Святого, о (*улер*) всех, их же вемы и их же не вемы; благодарим Тя и о (*улер*) службе сей, юже от рук наших прияи изволил еси».

Видишь, предлог *улер* (о, за) употребляется и о благодарении? Следовательно, этому заблуждению не остается никакого повода.

Таким образом, невозможно, чтобы воспоминание святых было молитвенное.

А что оно благодарственное, видно из того самого, что оно не молитвенное, ибо необходимо одно из двух: или оно должно быть молитвенное, или благодарственное. Только этими двумя способами мы воспоминаем пред Богом бывшие на нас Его благодеяния или для того, чтобы получить их, или потому, что уже получили. И одно (из сих воспоминаний) есть моление, а другое – благодарение.

Да это же видно и из того, что совершенство святых есть величайший из всех даров Божиих человеку, потому было бы несправедливо, если бы Церковь не исповедовала за них благодарности Богу.

Но зачем я называю совершенство святых величайшим даром Божиим? В нем совмещаются все дары Божии, потому что лики святых – вот цель, вот плод всех благ, которые Господь оказал роду нашему. Ради этого создано нам небо и земля, и все видимое. Для того рай, для того пророки, для того Сам Бог во плоти, и Божественное учение, и дела, и страдания, и смерть, чтобы люди переселились от земли на небо и соделались наследниками Небесного Царства.

Итак, если в этом священнодействии есть вообще благодарение, и если эти дары столько же благодарственные, как и умиловительные, то совершенно необходимо, чтобы сами достигшие совершенства святые составляли главный предмет и причину благодарения.

Вообще же, что заставляет нас благодарить? Не то ли, что мы просим и получаем просимое? Чего же Церковь просит от Бога?

Того, что ей заповедано просить, то есть Царствия Божия, дабы верные наследовали его, дабы соделались святыми по звавшему их Святому. Если же она об этом просит и молит Бога, то, очевидно, это же самое и благодарит. Она молится, чтобы верные совершенны были во святые, и потому ей необходимо следует за достигших уже совершенства святых воздавать благодарность Тому, кто доставил это совершенство.

Потому-то благодарение за святых, самое таинство, называется благодарением.

Ибо, хотя (Церковь) вспоминает здесь и многое другое, но святые составляют цель всего, и ради них все то испрашивается, посему, когда она за то благодарит, – благодарит за совершенство святых.

Как Господь все, что сделал, сделал для того, чтобы составить лик святых, так и Церковь, когда прославляет Его за все то, прославляет, взирая на лик святых.

По этой причине Спаситель, когда предал сие таинство, предал с благодарением Отцу, так как чрез Него Он имел открыть нам небо и собрать там этот великий собор первородных.

По Его примеру и Церковь творит приношение даров не только молитвенное, но и благодарственное. Это видно и из многого другого, но в особенности из той молитвы, которая как бы обнимает собою цель священнодействия. Здесь, изложив все, дарованное нам от Бога, и возблагодарив за все, и, наконец, сказав и о явлении Господа во плоти, и о предании таинства, о том, как Он заповедал и нам творить то же, (Церковь) присовокупляет: «Поминающе убо спасительную сию заповедь и вся яже о нас бывшая: Крест» и прочее; затем, исчислив все, последовавшее за Крестом, говорит: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся, Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш».

Видишь? Поминая, говорит, благодеяния, мы совершаем это даропринятие. А чтить благодетеля дарами за дарованные уже нам блага – значит благодарить. Затем, чтобы еще яснее показать благодарение, говорит: принося это приношение, мы Тебя поем, Тебя благословляем, Тебя благодарим, Господи, и молимся Тебе, Боже наш.

Таково, по словам Церкви, намерение, с которым приносятся дары: это, как мы сказали сначала, – прославление, благодарение, моление, так что это приношение есть вместе и благодарственное, и молитвенное. И это мы делаем, говорит (Церковь), помня две вещи, – заповедь, которую нам дал (Господь), говоря: сие творите в Мое воспоминание, и все, что ради нас было сделано. Ибо память о благодеяниях побуждает нас только к

воздаянию и вообще к принесению чего-либо Тому, Кто оказал нам столь бесчисленные милости; а память заповеди научает нас и самому образу воздаяния и тому, как надобно приносить дары. То самое приношение предлагаем мы, которое Сам Единородный показал Тебе, Богу и Отцу, и, принося, благодарим, потому что и Он, показав, благодарил.

Посему мы ничего не привносим от себя в это дароприношение, ибо и дары – не наше дело, но принадлежат Тебе, Создателю всего, и этот образ служения – не наше изобретение, – нет, не сами мы и возжелали его, не сами по себе и не по собственному побуждению и пришли к нему, – но Ты Сам нас научил. Сам побудил чрез Единородного Сына.

Поэтому, что мы приносим Тебе из Твоего, что Ты нам дал, то – Твое во всем и по всему.

Таким образом, и за самое это благодарственное приношение мы опять обязаны новою благодарностью Богу, так как в нем нет ничего нашего, но все оно – дар Божий; даже и то самое, что мы его желаем и приводим в исполнение, Бог производит в нас, по словам Божественного апостола. Посему-то в молитвах говорится и это: «Благодарим Тя и о службе сей, юже от рук наших прияти изволил еси».

Итак, вот что научает нас, что бывающее на литургии воспоминание святых есть не молитва за них Богу, но благодарение.

О том, сколько раз во время священнодействия поминаются святые, и о различии сих поминовений

Теперь посмотрим, сколько раз и когда во время священнодействия поминаются святые.

Поминаются они дважды: первый раз – в начале священнодействия, когда предлагаются дары, а второй – когда приносятся в жертву.

Так как приношение бывает двоякое: одно, когда дары приносятся просто как дары и приношения, как об этом сказано прежде, а другое – когда приносятся как жертва, то необходимо, чтобы и те, за которых они приносятся, поминались и при первом, и при втором приношении.

Вот поэтому-то, как при первом говорится: «В воспоминание Господа, и Бога, и Спаса нашего Иисуса Христа», так и при втором: «Поминающе убо (вся) яже о нас бывшая: Крест» и прочее, что ради нас потерпел Христос.

И что здесь означает поминание Креста и всего, что последовало за Крестом, то там – воспоминание Господа, ибо не как чудотворца воспоминает тогда священник Спасителя, но как распятого и умершего, как это пространно доказано нами в том месте.

И опять, как при первом приношении, (священник) говорит: во славу Всесвятой, ради ходатайства святых, так и при втором: о всех святых, особенно о Пресвятой.

Как там он показал превосходство Божией Матери тем, что назвал Ее прежде всех других (святых), так здесь, – поелику упомянул о Ней после других, – тем, что присовокупил слово: особенно (изрядно).

И как при первом после святых священник поминает (всех), имеющих нужду в милости, и живых, и умерших, и за них ходатайствует, так и при втором.

Впрочем, (при этом сходстве в поминовении) есть и различие. При втором священник упоминает и о самом приношении: приносим, говорит, Тебе словесную сию службу, причем указывает и на причину приношения, называя в начале, или в конце, память страданий Спасителя, память святых. А при первом указывает только на причину приношения, говоря: в воспоминание Господа, в славу Всесвятой, и так далее поминает и тех, за кого благодарит, и тех, за кого молится.

Почему же так?

Потому, что в этом приношении он самым делом показывает, что приносит: ибо, изъемя часть из хлеба, он предлагает ее в дар Богу и

потому не нуждается в словах, которые бы указывали на это. А при втором приношении он ничего видимо не делает, и хотя приношение бывает, но бывает невидимо, ибо благодать невидимо совершает жертву чрез таинственные молитвы священника. Потому здесь нужны слова, которые бы возвещали невидимое приношение.

О том, почему священник называет жертву словесною службою

Потому и словесною службою называет священник это приношение, что он здесь не делает никакого дела, но приносит его, употребляя совершительные слова.

Первое приношение – дело, возможное для человека, и так как оно совершается священником, то поэтому могло бы быть названо служением деятельным (πρακτικὴ λειτουργία).

А второе, то есть преложение даров в Божественное Тело и Кровь, что составляет жертву, – выше силы человеческой: его совершает благодать, а священник при этом только молится.

Почему, хотя жертва есть подлинно дело и вещь, но как священник ничего здесь не делает, а только говорит, то он справедливо говорит, что приносит не деятельную, но словесную службу.

О том, почему это таинство называется только Евхаристиею (благодарением)

И это также достойно исследования.

В самом деле, если это тайнодействие и благодарственное, и молитвенное, то почему оно и не называется тем и другим именем, но только Евхаристиею (благодарением)?

Название заимствовано от большинства, так как больше поводов к благодарению, чем к прощению.

Мы уже получили больше того, в чем еще нуждались, это составляет часть, а то – целое; о получении чего мы просим, то составляет часть того, что мы получили.

Что касается до Бога, мы от Него получили все, и Он не опустил ничего, чего бы не дал, но иным еще не настало для нас время воспользоваться, каково, например, нетление тела, бессмертие и Царство Небесное; иное мы получили, но не сохранили, как, например, отпущение грехов и другие дары, подаваемые нам чрез таинства; а иное потеряли потому, что худо пользовались, и для того, чтобы не сделаться худыми, как, например, довольство, здоровье, богатство, из которых мы сделали себе орудие наслаждения и порока, или же мы лишаемся настоящих благ для большей пользы, как было с Иовом.

Из этого видно, что для прощения Бог не оставил никакого места, а для благодарения дал всевозможные поводы.

Но мы своим нерадением сами на себя навлекаем нужды и потому имеем надобность в прощении.

Посмотрим, в самом деле, о чем мы просим.

Об отпущении грехов? Но это мы вполне получили и без всяких с нашей стороны трудов, чрез святое Крещение. Зачем же опять об этом просим? Оттого, что опять сделались виновными во грехах. Но что же причиною этой нашей виновности? Мы сами. Следовательно, в наше же причина и прощения.

Еще мы молимся о Царстве, чтобы получить его в наследие. Но ведь нам дано это наследие, так как мы соделались чадами Самого Бога, облеченного Царством, ибо кто Наследник, как не Сын? Да и что из отеческого имущества не переходит к наследнику? Ничто. Как же мы просим того, что уже даровано? Родившись от Бога и достигнув такой чести, мы отважились на дела, не сообразные с усыновлением, из сынов соделались лукавыми рабами и потому молимся о Царстве, как о вещи

чужой и нисколько нам не принадлежащей! Следовательно, и в этом прощении виновны мы сами.

А о телесных благах Господь заповедал: ищите прежде Царствия Божия, и сия вся приложатся вам (Мф. 6:44); и: не заботьтесь о пище и одежде, и Отец ваш небесный подаст вам все нужное (Мф. 6:25–34). Если же мы нуждаемся в сих благах, то это терпим или по нерадению и неверию и по несоблюдению данной относительно их заповеди, и в таком случае, как нужда, так и по нужде прошение бывает нашим делом, или по промышлению и человеколюбию Божию, подобно Иову, чтобы получить блага лучшие и драгоценнейшие, и в таком случае, хотя нужда и есть дело Божие, но служит поводом не к прошению и молению, но к славословию и благодарению, подобно тому, как говорит Иов: буди имя Господне благословено от ныне и до века.

Видишь, что все, подаваемое нам от Бога, побуждает только к славословию и благодарению, а в этих молениях и прошениях виновны мы.

Посему, упоминая в молитвенных обращениях к Богу о всех благах, и телесных и душевных, мы упоминаем о них для возблагодарения, – есть ли они у нас все или нет, – потому что Он однажды даровал нам все и не оставил ничего за Собою.

Зная это, блаженный апостол заповедал за все благодарить: всегда радуйтесь, пишет он, о всем благодарите (1Сол. 5:18).

Посему совершеннейшее и самое нужное собеседование с Богом, то есть тайнодействие Причащения, в котором упоминаем не о той или этой милости, но о всех вообще благодеяниях Божиих, и настоящих, и будущих, естественно было назвать Евхаристию (благодарением), заимствовать название не от того, что мы имеем нужды и о них просим, но от тех благодеяний, которые Бог оказывает, не от нашей нищеты, но от богатства Его благости.

Ибо, хотя мы и просим здесь Бога, и благодарим, но так как благодарение есть, как мы сказали, дело Божие, а прошение – дело человеческой немощи, притом к благодарению поводов больше, а к прошению – меньше, потому что благодарение – за все вообще блага, а прошение – о некоторых, то поэтому нужно было, чтобы при наименовании этого таинства оно названо было от лучшего и большего – благодарением.

Так и человек, хотя имеет в себе нечто и неразумное, называется животным разумным, заимствовав свое название от части лучшей и большей.

А с другой стороны, и Тот, Кто первый указал это таинодействие, Господь наш Иисус Христос, совершил его не с прощением, но только с благодарением Отцу. Поэтому и Церковь, как приняла его, так и называет, именуя Евхаристиєю.

Но об этом довольно.

Об общем благодарении за Причащение Таин и об окончательных молитвах священнодействия

Между тем священник повелевает причастникам Таин благодарить Подателя Бога за Причащение, и благодарить не как-нибудь и не леностно, но прилежно, ибо это значит: прости, то есть не лежа, и не сидя, но устремив и душу, и тело к Богу.

Затем, внушив помолиться Богу и о прочем, о чем они обыкновенно молятся, выходит из алтаря и, став пред дверьми, читает молитву за всех, так как теперь совершено все, что должно было совершить по отношению к Богу, – как бы оставляет свое общение с Богом и ту высоту, на которой стоял, и мало-помалу видимо нисходит к собеседованию с людьми.

И это он делает, как прилично священнику, потому что делает с молитвою. И образ молитвы, и самое место показывают его нисхождение. Ибо прежде он молился внутри алтаря, и сам про себя, так что никто не слышал, и весь обратившись к Богу, а теперь совершает общую молитву за Церковь и за всех верных, выйдя из алтаря и став среди народа, вслух всех.

Потом и принесенный хлеб, из которого изъят священный хлеб, разделив на части, раздает верным как хлеб, соделавшийся святым оттого, что он был принесен и посвящен Богу. А верные приемлют его со всяким благоговением и лобызают руку священника, как руку, недавно казавшуюся всесвятого Тела Христа Спасителя, которая и сама получила от того освящение и может передать его тем, которые к ней прикасаются.

В то же время они славословят Виновника и Подателя сих благ, славословят взятым из Писания: буди имя Господне благословено и прочее. И, воскликнув это несколько раз, вслед за тем читают псалом, полный славословия и благодарения. Какой же это псалом? Благословлю Господа на всякое время (Пс. 33).

По раздаянии же хлеба и по окончании псалма священник произносит последнюю молитву о народе не только вне алтаря и вслух всех, но и обращая слова молитвы к самому народу, и тем показывает теперь большее, чем прежде, с ним общение.

О чем же эта молитва?

О том, чтобы мы были помилованы и спасены, так как сами от себя мы не можем привнести ничего, достойного спасения, но уповаем на одно человеколюбие Того, Кто может спасти.

Потому-то (священник) упоминает здесь и о многих ходатаях, которые будут нам в этом помощниками, и, прежде всех, о Всесвятой

Матери Божией, чрез Которую и прежде мы были помилованы. А начало этой молитвы – Христос, истинный Бог наш, – то есть не один из тех ложных лжеименных богов, которых во множестве некогда мы чтили, но истинный Бог наш, Которого, наконец, обрели. Посему-то и Единому Ему подобает, как Богу, всякая слава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцем и Всесвятым, и Благим, и Животворящим Его Духом, ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

36. Николай Кавасила, архиепископ Фессалоникийский

Архиепископ Фессалоникийский Николай Кавасила вошел в историю Церкви как крупнейший представитель богословской мысли XIV века.

Творческое наследие Кавасилы обширно и, благодаря неослабевающему к нему вниманию, переведено на много языков и библиографически обработано. Биографические же сведения о Кавасиле скудны и противоречивы.

По мнению наших крупнейших историков-византологов, Кавасила родился в Фессалониках около 1300 года и умер в 1371 году в сане архиепископа Фессалоникийского, а по данным современных греческих исследователей-византологов, родился в 1320 году, умер в 1391 году.

Кавасила – его семейное имя по материнской линии. Мать Николая называют сестрой трех архиереев. Из них особенно известен ученый богослов Нил Кавасила, управлявший Солунской (Фессалоникийской) митрополией около 1340 года. Некоторые рукописи Николая Кавасилы подписаны «Николай Кавасила и Хамаету». Хамаету – фамилия Николая по отцу. Сведения о нем сохранились только в переписке с сыном, которая относится к школьным годам Николая в Константинополе, что было приблизительно в 1335–1340 годах.

Интерес к наукам у Николая Кавасилы обозначился в школьные годы. В письме к своему отцу Николай говорит: «Усердие к науке о звездах, отец которой Птоломей, у меня и раньше было большим». К этому же времени относится «Изъяснение на III том великой Системы Птолемея», где он предпринимает попытку решить некоторые проблемы, сформулированные в трудах александрийских математиков и астрономов IV века. Наиболее известным другом Николая был Димитрий Кидонис – видный политик и замечательный писатель той эпохи, горячий сторонник Фомы Аквината и других западных богословов и мыслителей. Николай Кавасила учился с ним в Константинополе, где они тосковали по их общей родине – Фессалоникам, украшенным прекраснейшими храмами и явившим величайших святых и величайших мудрецов.

Письма Николая Кавасилы, а его эпистолярное наследие очень богато, свидетельствуют о его постоянном и глубоком интересе к классической литературе, философии и искусству. В письмах он подчеркивает обязанность богослова развивать интеллектуальные начала, дарованные ему природой, «ибо несовершенным является тот, кто на самом деле не преуспевает в добре, на которое он был способен».

Помимо классических наук, Николай Кавасила знал юриспруденцию, астрономию и другие науки. Богословие он изучал под руководством своего дяди – Нила Кавасилы, которому по его смерти благодарный племянник написал эпитафию: «Гроб этот скрывает Нила знаменитого тело, чистейшее жилище девственной души. Нил блаженнейший! Ты, сияя, достиг неба, а нам ослепил взор после того, как закрыл свои прекрасные очи».

Время, в которое жил Николай Кавасила, было трагическим для Византии. Крестоносцы и латинская оккупация, угроза, нараставшая со стороны турок и сербов, увеличивали смятение и анархию в империи.

В это время передовые представители Византии, чтобы спасти свою страну от гибели, призывали соотечественников к духовному подъему и возрождению. Наиболее выдающимся поборником среди них был Николай Кавасила. Он принимал активное участие в жизни империи, глубоко переживал печальное обстоятельство, когда жители Фессалоник разделились на враждовавшие между собой группировки знатных и зилотов. Будучи сам из знатного рода, Кавасила, когда того требовали интересы родины, поддерживал зилотов. Так, его слово «Против ростовщиков» является ясным доказательством сочувствия нуждам народа, эксплуатируемого различными правителями, часто прикрывавшими свои темные дела светлыми идеалами Церкви.

Николай Кавасила был защитником народа, искателем социальной справедливости, о чем свидетельствуют его труды «Благочестивой Августе о прибыли» и «О незаконно дерзающих властвовать над святыней».

Во время страшной резни в августе 1345 года, когда зилоты уничтожили почти всю фессалоникийскую знать, Кавасила был одним из немногих, кому удалось спастись благодаря помощи народа.

В 1347 году Николай Кавасила прибыл в Константинополь, где стал видным сановником двора императора Иоанна Кантакузина: он был послом во дворце императрицы Анны Савойской, сопровождал новоизбранного архиепископа Фессалоникийского Григория Паламу на кафедру. С этим фактом, вероятно, связано и дальнейшее влияние святителя Григория Паламы на Николая Кавасилу.

В 1353 году, когда Патриарший престол Константинополя оказался вдовствующим, среди трех кандидатов на престол, предложенных императору Собором, был мирянин Николай Кавасила – случай редчайший и свидетельствующий о высоком моральном и духовном облике тогда еще молодого Николая Кавасилы.

В феврале 1354 года при коронации императора Матфея Кантакузина

Кавасила произносит торжественное слово. С того же года он вошел в историю Церкви как архиепископ Фессалоникийский.

Полагают, что Фессалоникийскую кафедру Николай Кавасила занимал недолго, так как в последние три десятилетия своей жизни Николай Кавасила удалился к спокойному житию в Константинополе и дорогих его сердцу монастырях. Тогда им были созданы классические труды «Изъяснение Божественной литургии» и «О жизни во Христе».

В своих произведениях Николай Кавасила явился выразителем православного отеческого предания той эпохи и учения исихастов.

Содержание

Изъяснение Божественной Литургии праведный Николай Кавáсила	1
1. Приготовление к Литургии	2
2. Почему честные дары не с самого начала полагаются на престоле	7
3. О том, что дары предлагаются Богу как начатки человеческой жизни	8
4. Почему нужно было, чтобы дары служили начатками человеческой жизни	9
5. Почему полагается не весь хлеб, но вырезается особая часть	10
6. Почему над хлебом священник изображает страдания Христовы	11
7. В чем состоит воспоминание Господа	13
8. О том, что совершается над хлебом	14
9. Для чего Господь повелел творить это в Его воспоминание	15
10. О том, что говорится при приношении даров после воспоминания (Господа); также о том, что это приношение есть вместе и благодарственное, и просительное	16
11. Для чего дары покрываются и что при этом говорится	18
12. О начальном славословии	19
13. Что значит постоянное моление о милости	23
14. О предании (себя Богу)	25
15. Об антифонах и произносимых в продолжение их молитвах	27
16. Знаменованье священнодействия в общем очертании	29
17. Изъяснение первого антифона	31
18. Что означают пророческие изречения, поемые в начале священнодействия	33
19. Изъяснение третьего антифона	35
20. О явлении Евангелия и о Трисвятой песни	36
21. О молитве, читаемой во время пения этой песни, и о священных возгласениях	37
22. О чтении Писаний, порядок их и знаменованья	39
23. О прошениях, следующих за Евангелием	40
24. О внесении честных даров в алтарь	42
25. О том, что совершается по внесении даров, о молитвах и	--

наставлениях священника народу	43
26. Об исповедании веры и о том, к чему после него священник увещевает верных и о чем молится, и что они отвечают ему	44
27. Об освящении даров и о предшествующем ему благодарении	46
28. На каком основании мы несомненно веруем в таинство	47
29. О том, в чем латиняне относительно этого укоряют нас, и ответ на их укоры	48
30. О том, что и в Латинской Церкви таинство Евхаристии совершается таким же образом	52
31. Почему священник призывает освятить дары не Сына, а Отца	54
32. О самой жертве и о том, над чем совершается жертва	55
33. О молитвах после жертвоприношения и о том, по какой причине здесь воспоминаются святые, особенно же Пресвятая (Богородица)	57
34. О том, как священник молится о Святых Дарах про себя и о чем повелевает молиться верным	59
35. О Богопреданной молитве, и о преклонении глав, и о следующем за тем благодарении и прощении к Богу, и славословии	61
О том, что священник возглашает к народу, вознося святые дары, и о том, что в ответ ему возглашает народ	62
Что означает теплая вода, вливаемая в Тайны	64
О том, каким образом Тайны означают Церковь	65
О приглашение верных к Причащению и о том, что возглашают верные при явлении даров	66
О молитве, которую возглашает священник о верных после их Причащения	67
О следующем затем благодарении и славословии	68
Об усопших, именно о том, освящаются ли они от даров трапезы, подобно живым	69
О том, что освящение главным образом сообщается душе причащающегося	71
О ходатайстве Христа	73
О том, что освящение усопших совершенное	74
О том, каким образом сии дары всегда бывают приемлемы	75

Богом	--
О том, к какой мере приемлются	78
О том, в каком смысле мы и святых чтим сими дарами	79
Против тех, которые говорят, что бывающее на литургии вспоминание святых есть священническая за них молитва Богу	81
О том, сколько раз во время священнодействия поминаются святые, и о различии сих поминовений	87
О том, почему священник называет жертву словесною службою	89
О том, почему это таинство называется только Евхаристиею (благодарением)	90
Об общем благодарении за Причащение Таин и об окончательных молитвах священнодействия	93
36. Николай Кавасила, архиепископ Фессалоникийский	95